

18+

Александр Георгиевич
Безуглый

МОЯ ЖИЗНЬ

Книга вторая
1979—1994

Александр Безуглый

**Моя жизнь. Книга
вторая. 1979—1994**

«Издательские решения»

Безуглый А. Г.

Моя жизнь. Книга вторая. 1979—1994 / А. Г. Безуглый —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-503471-7

Это вторая книга мемуаров — продолжение жизнеописания обычного человека, который родился и жил до двадцати лет в СССР, затем жил уже в Российской Федерации. Думаю, что мои воспоминания будут интересны всем, кто родился в шестидесятые-восемидесятые годы. В книгу также вошли описания исторических событий, происходивших в нашей стране в эти годы. Особенно интересно почитать книгу будет жителям города Колпино. (На обложке фото главной проходной Ижорского завода г. Колпино в 1980-е годы)

ISBN 978-5-00-503471-7

© Безуглый А. Г.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Вступление 1	7
Вступление 2	9
Историческое отступление о городе Колпино	11
История названия	12
История города	13
Информация для жителей города Колпино	14
1979 год	16
Немного истории	16
И снова обо мне	24
1980 год	44
Немного истории	44
И снова обо мне	51
1981 год	64
Немного истории	64
И снова обо мне	71
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Моя жизнь

Книга вторая. 1979—1994

Александр Георгиевич Безуглый

© Александр Георгиевич Безуглый, 2019

ISBN 978-5-0050-3471-7 (т. 2)

ISBN 978-5-4496-4246-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Выражаю огромную благодарность за помощь в работе над книгой: своей сестре Наталье Владимировне Веселовой, дочке Сюзанне Александровне Костровой (Безуглой), своим друзьям по школе, Ларисе Джулай (Ивановой), Елене Стрембовской (Кочкиной), Ильину Александру. Так же хочу поблагодарить за интересные воспоминания о жизни в Колпино Дима Морковского и моих подруг по двору Светлану Перельман и Светлану Шатилову.

(Книга исправлена и дополнена в 2019 году)

От автора

Я очень горжусь собой, что решил первым начать летопись нашего рода. Хотя, очень жаль, что до этого не додумались мои предки. Но, как говорится, лучше поздно, чем никогда. Несколько месяцев я ломал голову, с какими словами обратиться к своим потомкам, дочке, двум внукам, а также к их будущим детям, внукам и правнукам, которые надеюсь, тоже когда-нибудь прочитают эти строки.

Изведя гору бумаги на черновики у меня, наконец-то получилось два варианта вступления к моей книге. Сначала я хотел их объединить в одно, но потом прикинул так и сяк, и решил оставить все, как есть. Просто что-то лучше объяснено в одном, что-то в другом.

(Нижеследующие два вступления опубликованы в первой книге, но я вновь включил их и в свою вторую книгу для тех, кто не читал первую).

Вступление 1

Ну, здравствуйте, мои дорогие потомки! В первую очередь я имею в виду, конечно, своих кровных, близких родственников: мою горячо любимую дочуру, Сюзанну Александровну Безуглую (на данное время, Кострову по мужу), ее двух дочурок, и соответственно моих внучек: Диану Сергеевну и Яну Сергеевну Костровых, ну и конечно, всех тех, кто родится в дальнейшем у них и их детей. И огромный привет всем тем, к кому эти записи, возможно, попали чисто случайно. Может вы эту книжечку, в какой-нибудь библиотеке или архиве откопали, а возможно археологи будущего нашли ее в каком-нибудь захоронении, а может вы это мое творение вообще где-нибудь на городской свалке нашли и решили почитать от нечего делать. В любом случае всем огромный привет!

Сейчас вы держите в руках уникальный документ, – летопись целой жизни одного человека, то есть меня, любимого. Жизнеописание, буквально по годам, обычного человека, который родился и жил до двадцати лет, в СССР (Союзе Советских Социалистических республик), во времена строительства коммунизма, который мы так и не построили, затем, жил уже в России, во времена перестройки, путча и строительства в нашей стране уже капитализма. Во времена инфляций и прочих катаклизмов, постигших нашу страну в конце 20-го, начале 21-го веков. Во времена прихода к власти, действительно умного президента России Владимира Владимировича Путина. Во время гражданской войны на Украине, которая идет там в данное время (2014 год), и прихода там к власти неонацистов.

Конечно, если бы я был, хоть чем-то знаменит в мире искусства, науки, или бизнеса, я предпочел бы, чтобы обо мне писали другие, а так, все приходится делать самому. Очень, понимаете ли, не хочется, чтобы все люди, знавшие меня, забыли обо мне, уже через несколько месяцев после моей смерти, что и происходит постоянно в нашем мире. Ведь сколько было у нас талантливых людей? Тысячи! А помнят из них лишь несколько десятков, да и то лишь по фамилиям. А обо мне и подавно никто не вспомнит, если я сам не позабочусь об увековечивании памяти о себе, любимом в веках! Во как загнул, аж самого гордость охватывает.

Все-таки, очень хочется, чтобы мои потомки хоть что-то знали обо мне, о наших общих предках и, возможно, хоть иногда вспоминали.

Я в последнее время частенько задумываюсь; а как было бы здорово, если бы мы все могли где-то найти информацию о том, как жили наши отцы и матери, дедушки и бабушки и все остальные пра-пра.

Поначалу, я хотел написать просто рукописную книгу о своей жизни, возможно перепечатанную в дальнейшем на печатной машинке и переплетенную в ручную, но пришел 21 век, и с развитием компьютерных технологий появились и другие возможности оставить свой след в истории, к примеру в электронном виде, в интернете, на компакт-дисках и картах памяти (флешках).

Впрочем, на всякий случай я и бумажную книгу напечатаю для своих потомков и желательно в нескольких десятках экземпляров, а не только сохраню ее в электронном варианте, тем более, что теперь это не проблема, достаточно иметь дома свой компьютер и принтер.

Все-таки неизвестно, что будет со всей нашей электронной цивилизацией и с интернетом лет через пятьдесят, а бумажные книги хранятся не одну сотню лет!

А попробуйте представить, что каждый член нашего рода, начнет вести дневник. Не от случая к случаю, как большинство из нас делает в детстве и юности, а кропотливо и ежедневно будет записывать все интересное, что происходит с ним и его близкими. И ближе к концу своей жизни обобщит, систематизирует и напечатает эти записи.

Это какая же будет библиотека у наших потомков через несколько поколений, описывающая всю жизнь их предков?

Вообще, я считаю, что написание книги сродни телепатическому сеансу. Об этом как-то упоминал в своей книге один из моих любимых писателей, Стивен Кинг. Вот убедитесь сами. Допустим, вы находитесь где-то в городе, или деревне, и даже не в этом времени. Может через год после написания этих строк, а может через 100 лет! Я же, вот он, – сижу сейчас, за письменным столом у себя дома. И между мной и всеми, кто читает в данный момент эти строки, начинается сеанс телепатии. Мне нужно передать вам информацию не только через пространство, но и через время. Для этого сеанса у меня есть только авторучка, стопка бумаги, компьютер, но попробуйте внутренним зрением увидеть то, что в данный момент вижу я.

Я сижу в своей квартире многоквартирного дома, расположенной на третьем этаже. За окном, почти сразу начинается сосновый лес. Стоит ясное, солнечное утро. Передо мной на письменном столе стоит плоский монитор компьютера, под столом сам процессор и куча проводов, которые вечно путаются под ногами. Еще на столе в беспорядке лежат два старых, но еще рабочих ноутбука, мой фотоаппарат «Nikon», компьютерный планшет, везде кнопками прищиплены десятки всяких бумажек-напоминалок, а то идей всяких много, а запомнить все не могу. Над моим письменным столом висит самодельная полка с компакт-CD-дисками любимой мной музыки и программами для компьютера из журналов «Computer Bild» (с каждым журналом продаётся компакт-диск). Рядом, на стене висит большой плоский жидкокристаллический телевизор метр в длину, включенный на музыкальный канал «Муз ТВ». На другой стене висят несколько моих картин и больших фотографий моих дочки и внучек. По комнате бегают друг за другом наша кошка Муся и ее сынок Пуся, на кухне что-то готовит моя жена (наш брак не зарегистрирован пока, хоть мы вместе живём уже 14 лет), Наташа Усова...

Видите, мы даже не в одном году, не то что не в одной комнате, но вы видите то же, что и я! Мы общаемся! Ну, может картинку, которую я вам мысленно послал, каждый из вас увидит с небольшими вариациями, но не это главное. Главное, что я послал вам информацию с описанием своей комнаты, а вы ее получили и мысленно увидели то, что вижу я в данный момент. Думаю, мы участвовали в сеансе телепатии!

Правда, к сожалению, эта телепатия однонаправленная. Я то могу вам передать любую информацию из прошлого, а вы мне увы, нет. Но зато вы можете своим внутренним зрением увидеть все, что видел я в своем детстве, юности, старости. Может, где-то почувствуете и мои переживания в определенные моменты моей жизни. А в итоге, вы сможете год за годом, вместе со мной прожить всю мою жизнь! Правда, за более короткий срок, – пока вы читаете эту книгу. А это значит, что связь времен не прерывается! Правильно говорят, – без прошлого нет будущего!

Ведь что такое человеческая личность на мой взгляд? Это просто совокупность воспоминаний с детских лет и до смерти. Можно назвать это жизненным опытом, или, если хотите, человеческой душой, хотя я в душу не верю, – суть все равно не меняется. И чем больше наши потомки узнают о нашей жизни, жизни их предков, тем в чем-то богаче станет и их жизненный опыт.

Через 50 – 100 лет, кто-то из наших потомков смело сможет сказать: – «За одну свою жизнь я прожил жизни всех своих предков, прочитав о жизни каждого!», кто конечно захотел оставить память о себе! Это же здорово! И это я придумал!

С приветом из тьмы веков ваш Александр Георгиевич Безуглый

Вступление 2

Да, жизнь моя сложилась, к сожалению так, что не стал я, ни знаменитым музыкантом, хоть и посвятил этому увлечению половину жизни и играл в нескольких рок-группах. Не стал я и известным художником, хоть тоже занимался этим ремеслом какой-то период своей жизни и результаты были многообещающие. Несколько картин даже удалось продать. Не стал я и знаменитым поэтом-песенником, хоть до сих пор в столе лежат тексты более ста песен... Ну не хватило у меня пробивных способностей, чтобы хоть в одном деле добиться полного успеха. Но ведь это не повод, чтобы после моей смерти все обо мне забыли. Ниточка поколений не должна прерываться, как это случилось со всеми русскими людьми после революции 1917 года. Из-за кучки честолюбивых авантюристов-революционеров, решивших переделать страну по своему усмотрению и уничтоживших в дальнейшем сотни тысяч невинных людей, — наших дедов и прадедов, мы теперь не можем ничего о них узнать. Кем они были, где жили, чем занимались? Так давайте попробуем начать все с нуля. Начать новую летопись поколений людей с конца 20-го века. Я начинаю эту летопись с описания своей жизни. Возможно, она послужит примером всем моим потомкам, также оставить и о себе хоть какую-то информацию для своих детей, внуков и правнуков. Лично я считаю, что без такой книги о себе, человеческая жизнь вообще теряет всякий смысл!!!

Предположим, родятся у вас дети, вырастите вы их, по возможности выучите и поможете поначалу материально. А дальше что? Детки вырастут, у них появятся свои семьи. И что же потом? Смирению ждать старость и свою смерть? Ну, с внуками, дай бог понянчитесь, пока они не начнут вас использовать только в своих целях, типа: «бабушка, дедушка, дайте денег!»». Извините, но это не жизнь! Это обычный инстинкт продолжения рода и больше ничего.

Но ведь каждый человек, — это личность! И эта личность, если это действительно личность, а не спившиеся отбросы общества, должна, так или иначе, самореализоваться в нашем мире! Ведь многие люди, хоть и не стали знаменитыми, но прожили бурную, наполненную событиями жизнь. Так почему бы не рассказать об этом своим детям и внукам.

Просто задайте себе вопрос: «Хотел (а) бы я почитать, как жил мой дед, или прадед, бабушка или прабабушка?» Скорее всего, вы ответите: Конечно, хотел бы!

Сейчас, вспоминая свою юность, я очень жалею, что не сохранил свои дневники того времени, а сейчас уже просто не вспомнить многие интересные моменты моей жизни. Жалею еще и о том, что во времена моей юности не было возможности часто фотографироваться. Фотографией занимались единицы, так-как это было довольно мутное занятие, с проявлением пленок, печатью фотографий, без всяких компьютерных, цифровых технологий, как сейчас. А ездить постоянно в фотосалоны, не было времени, да и не задумывались мы тогда о том, что посмотреть фото нашей юности захотим не только мы сами в старости, но и наши потомки.

К сожалению, много своих фотографий (20—28 лет), я потерял из-за психической болезни моей матери (она их просто однажды выкинула, когда меня не было дома), а как бы эти фотографии сейчас пригодились! Ведь по старым фотографиям порой вспоминаются целые жизненные периоды.

В юности, мы к сожалению абсолютно не задумываемся о том, что все записи и фотографии, касающиеся нашей жизни, нам не только захочется когда-то перечитать и посмотреть, но главное, — передать все это своим потомкам. Это же история вашего рода и она должна сохраняться.

А вообще-то, мне очень интересно, кто сейчас читает эти строки. Может эту книгу сейчас держит в руках мой далекий потомок, правнук, или правнучка, а может совершенно чужой человек, нашел эту книгу где-нибудь, и просто захотел узнать, ради любопытства, как жили люди в конце 20-го века.

Не уверен, что до моих потомков дойдут мои картины, музыка, стихи и песни, но думаю, что эта книга, все же сохранится хоть у кого-нибудь из них.

Впрочем, свои стихи и песни я, наверно тоже включу в эту книгу, может кому-нибудь и пригодится. И пусть она напоминает обо мне моим потомкам много-много лет. Ради одного этого не грех посидеть за письменным столом несколько лет и постараться вспомнить все, что смогу, пока память вообще не начала отказывать.

Я вот пишу эти строки, и представляю, что через лет сто, одна из этих экземпляров моей книги будет стоять у кого-то из моих пра-пра-правнуков на полке, А может и не только моя. Возможно, еще и моей дочки, ее дочек и т.д., напоминая всем будущим поколениям, что мы жили когда-то, на этой планете.

Жизнь, к сожалению, очень короткая штука, но понимать это начинаешь лишь после сорока лет. И тогда начинаешь задумываться: «А что же я сделал в этой жизни такого, чтобы хотя бы мои потомки меня не забыли?» И оказывается, что ничего, или почти ничего.

Мой вам совет, – постарайтесь добиться в своей жизни, как можно большего. Не тратьте свое свободное время на ерунду. Чем смотреть какую-то ересь по телевизору, или играть в компьютерные игры, попробуйте сами что-то создать. Чем читать что-то, хотя это тоже полезно для общего развития, попробуйте сами что-то сочинить, чем слушать чужую музыку, попробуйте сами научиться играть и что-то сочинить свое. И так во всем! Чем потреблять чужое, гораздо лучше создавать свое!!!

У меня не сложилась жизнь, так, как я видел ее в своих мечтах, так дай бог, хоть вы добьетесь чего-то. Главное, это верить в свои силы!

Человек может добиться всего, если очень захочет. Ведь недаром говорят, что успех любого человека в жизни, состоит из 10% таланта и 90% труда! Никогда не ссылайтесь на то, что вы что-то не умеете делать. Всегда говорите себе: «Я смогу!»

Например, я ни когда не думал, что у меня получится писать картины, но стоило познакомиться с питерскими художниками, посмотреть их работы и как они это делают, и я уже твердо знал, что тоже так смогу. И что вы думаете? Не прошло и года, как я научился без всякой художественной школы неплохо рисовать. Хотя и жалел конечно, что в своё время отказался от мысли поступить в художественную школу, где училась моя мама, а она мне предлагала. Но все-таки я научился кое-чему сам и вскоре, те же художники, что помогали мне осваивать секреты живописи, сами просили обменяться со мной картинами.

Так же получилось и с музыкой и с сочинением песен и стихов. Я просто всегда верил, что смогу это сделать, и пусть много раз что-то поначалу не очень получалось, но в итоге все выходило как надо! Главное, это желание и практика.

Поверьте, нет людей не способных что-то сделать, есть просто лентяи, которым неохота осваивать что-то новое.

Вся эта книга, возможно, написана довольно сумбурно, но простите меня, – я же не профессиональный писатель, хотя хотел и этим тоже заняться и даже в 80-х годах 20-го века, мы пытались выпускать самиздатовские журналы, копируя машинописные листки с вклеенными фотографиями на черно-белом ксероксе. Пытался я и рассказы писать и повести, впрочем и сейчас пытаюсь...

К сожалению, на сочинение больших творений у меня усидчивости не хватает, хотя идей было и сейчас возникает довольно много. Может еще что-то и напишу.

Но пора уже заканчивать со вступительным словом и переходить непосредственно к описанию своей жизни. А что из этого получилось, – судить Вам!

С уважением и наилучшими пожеланиями: Александр Георгиевич Безуглый (по отцовской линии), Пьянков (по материнской линии).

Историческое отступление о городе Колпино

Впервые в письменных документах об ижорских поселениях упоминается в булле римского папы Александра III к упсальскому епископу Стефану в 1164—1181 годах, призывающей к распространению католичества на прибалтийско-финские народы.

Во времена новгородской республики на землях южного берега Невы и её притоков проживало многочисленное племя ижоров. Новгородская летопись сохранила имя знатного ижорца Пелгуя (Пелгусия), руководившего пограничной новгородской стражей на здешних местах и сообщившего летом 1240 года новгородскому князю Александру Ярославичу о приходе шведского войска. Двадцатилетний князь, собрав войско, двинулся навстречу врагу. 15 июля 1240 года состоялась знаменитая Невская битва в устье реки Ижоры, закончившаяся победой русских полков. После этой битвы князь Александр вошел в историю как Александр Невский.

Упоминания о поселениях на реке Ижоре можно найти и в новгородских писцовых книгах. В 1500-х годах по Неве проходил главный торговый путь связывающий Новгород с Западом, и, устье Ижоры, с её пологими берегами, как нельзя лучше подходило для организации своеобразной торгово-перевалочной базы, о чём и упоминается как о поселении «рябок у клетей». Здесь можно было отремонтировать суда, пополнить запасы продовольствия.

В 1706 году, по указу царя Петра I Санкт-Петербургским Адмиралтейским двором, на берега Ижоры были присланы работные люди, крепостные крестьяне Новгородского, Пошехонского, Белозерского уездов. Они валили лес, разделявали бревна, вязали плоты и сплавляли древесину вниз по Ижоре в Неву, на Адмиралтейский двор.

В 1707 году Петр I пожаловал земли, по обоим берегам реки Ижоры, своему ближайшему сподвижнику, светлейшему князю А. Д. Меншикову, который на месте старой шведской пильной мельницы в 11 верстах от устья (сегодня на этом месте располагается совхоз им. Тельмана), в 1710 году, возобновляет лесопильное производство. Через два года пильни на Ижоре, согласно царского указа, передаются в Адмиралтейскую коллегию. Они отправляют свою продукцию на строительство кораблей Балтийского флота.

22 мая 1719 года, указом Петра I: «Ижорскую мельницу в два или три года в место ниже, и именно тут, где ныне лежит известь и амбар, дабы с Невы удобнее лес уже по Ижоре переводитца». В 1722 году была отмежёвана территория от плотины в обе стороны на 250 сажень и по версте вверх и вниз по течению реки Ижора. Точная дата закладки селения не определена, поэтому традиционно, день рождения своего города, колпинцы, отмечают 12 сентября, совмещая свой праздник с днем памяти святого благоверного князя Александра Невского.

История названия

Название Колпино имеет форму притяжательного прилагательного. В его основе или колпь «чубатая цапля» (в говорах – и другие водоплавающие птицы), или прозвищное личное имя (диалектное колпина «щёголь»). Названия Колпь, Колпино распространены в топонимии Новгородских земель и соседних территорий (Владимирская, Вологодская, Московская области).

В соответствии с правилами русского языка (строгой литературной нормой) слово «Колпино», как и другие русские географические названия на « – о», склоняется, «В Колпине, от Колпина». Если имеется родовое слово, то правильно не склонять: из города Колпино; если родового слова нет, то возможны оба варианта, склоняемый и несклоняемый: в Колпино и в Колпине. В настоящее время в свободном употреблении функционируют оба варианта, как склоняемый, так и несклоняемый варианты таких названий.

История города

Заводы, состоявшие в морском ведомстве, комплектовались рекрутами (людьми принятыми на военную службу по воинской повинности или найму). Рекруты, поступившие на завод, вступали в брак и селились на заводской земле. Дети их числились кантонистами (малолетние и несовершеннолетние сыновья нижних воинских чинов, принадлежащих со дня рождения к военному ведомству и в силу своего происхождения обязанные военной службой) и после обучения в заводской школе поступали в число рабочих. Рабочие, выходя по выслуге лет в отставку, оставались жить в Колпино, а способные к работам служили на заводе по вольному найму. Так образовалось население Колпино. В 1785 году в поселении имелось уже 87 дворов.

На заводах так же работали жители двух ближайших финских деревень, Мокколово, которая располагалась на полуострове, где сейчас расположен Парк культуры и отдыха, и чуть выше по течению Ижоры, Лангелово. А так же немецкие колонисты, поселившиеся на правом берегу Ижоры в 1765 году, образовав поселение, Нижне-Ижорская колония (район улицы Анисимова). Всё население имело единое целое с Колпино.

Река Ижора делила Колпино на две части. На правом берегу располагалась Колпино-Никольская слобода, представлявшая собой широкую длинную улицу, застроенную домами с четырёхскатными крышами. Там жили заводские мастера и подмастерья. У плотины раскинулась Никольская слобода. Её дома сгрудились вдоль дороги в Петербург. Здесь находились кабаки, питейные заведения, харчевни, лабазы и постоянные дворы. На левом берегу разлива реки Ижоры раскинулась Чухонская слобода, где жили преимущественно работные люди и ссыльные мастеровые, которые использовались на самых тяжёлых работах. В стороне от разлива, также на левом берегу, начала строиться Новая слобода.

В начале XIX века проведена кардинальная реконструкция гидротехнических сооружений Колпино. Произведены работы по углублению и очистке дна реки Ижоры, поперёк реки построена новая большая плотина (фактически – дамба с водопропускной системой в центре), прорыт левобережный Полукруглый канал и новый – Прямой канал (строительство завершилось в 1809 году, ныне Комсомольский) с плотиной в конце, для отвода избыточных паводковых вод.

9 мая 1847 года была открыта первая очередь Николаевской железной дороги, которая доходила до Колпино, открытие было приурочено ко дню паломничества к чудотворной иконе Николая угодника Божия. «Журнал для чтения воспитанников военно-учебных заведений» писал в связи с этим событием: «С тех пор как открыта езда по железной дороге из Петербурга в Москву, жители столицы узнали, что такое Колпино. В 45 минут вы проезжаете расстояние в 23 версты и, высмотрев все любопытное, можете возвратиться к вечеру домой. Прямые улицы с чистенькими домами, числом до 900, дают Колпину вид опрятного уездного города, каких у нас не слишком много в глубине России. Все население состоит из мастеровых и чиновников, служащих при заводе. Каждый имеет свой дом, патриархально передавая его вместе с занятиями по службе из рода в род».

С введением в 1862 года на Ижорских заводах вольнонаемного труда встал вопрос об изменении статуса Колпино и 23 октября 1878 года Александр II подписал указ о переводе села Колпино в ранг посада Царскосельского уезда и о подчинении его гражданским властям. Население посада, составлявшее семь тысяч человек, избрало в 1880 году первый состав депутатов местного самоуправления – посадской думы.

Информация для жителей города Колпино

В нашей повседневной жизни в Колпино, куда я переехал осенью 1978 года, мы, молодые ребята и девчонки, да и все колпинцы наверно, пользовались «народными» названиями магазинов и других мест в городе. Поэтому я решил разместить в начале моей второй книги, микротопонимы, чтобы вы (молодые жители Колпино), более ясно представляли, что как называлось в Колпино, в наше время 1970-90-х годов.

И еще, в своей книге я часто упоминаю названия улиц и номера домов, перекрестки и прочие сведения. Людям, не бывавшим в Колпино, это будет не интересно, а вот для колпинцев, возможно эти сведения и пригодятся, так что я специально не стал эти описания убирать.

Микротопонимы:

«**БАМ**» – дом 15 по Павловской улице. В 1980-е годы, во времена борьбы с алкоголизмом, в этом доме находился самый Большой Алкогольный Магазин города.

«**Близнецы**» – два магазина на проспекте Ленина, дома 9 и 10, очень похожие здания. В советское время там были: в доме 10 – продовольственный магазин и кулинария; в доме 9 – булочная и овощной магазин.

«**Булочная «Дубок»**» – дом 52 по проспекту Ленина. В советское время в этом доме находилась булочная.

«**Вертолёт**», «**У вертолёта**» – перекрёсток улицы Веры Слуцкой и бульвара Трудящихся. В конце 1980-х годов на этом перекрёстке (со стороны ПТУ), стоял списанный армейский вертолёт Ми-26, в котором в дальнейшем размещался тир, потом бар. В дальнейшем его подожгли и демонтировали.

«**Военохот**» – здание завода «Военохот №4» по бульвару Трудящихся, 16.

«**Дом торговли**», он же «**26 магазин**» – дом 7/5 по улице Труда. В советское время здесь был магазин №26.

«**Зенитка**» – район памятника «Ижорский таран» (по установленному там зенитному оружию).

«**Инженерные дома**» – №23 и 27 по Советскому бульвару (до революции там жили инженеры Ижорского завода).

«**Керосинка**» – угол улицы Павловской и Братьев Радченко (Западной). Ранее там находилась керосинная лавка.

«**Комиссионный**», «**Комис**», «**Комок**» – дом 9 по улице Братьев Радченко. В советское время здесь находился комиссионный магазин. В настоящее время здесь находится продуктовый магазин «Веста».

«**Кривой магазин**» – магазин в доме 18/12 по проспекту Ленина. Здание имеет кривой фасад в плане.

«**Магазин на Коммуне**» – дом 7 на площади Коммуны.

«**Мороженица**» – дом 7 по улице Братьев Радченко. В советское время здесь находилось кафе-мороженое.

«**Новый универсам**» – магазин по адресу Пролетарская улица, дом 60. Ныне – магазин «Пятёрочка».

«**Огурцово**» – район новой застройки ближе к совхозу имени Тельмана, назван по совхозным теплицам, в которых выращивали огурцы.

«Пивбар», «Нептун» – дом 53 по проспекту Ленина. Типовая «стекляшка», в советское время на первом этаже находился пивной бар «Нептун», а на втором, в конце 80-х – дискотека «Континент».

«Плиты» – так до войны именовался бульвар Свободы (из-за находящейся там плотины). В войну он получил прозвища «Карельский перешеек» и «Перешеек смерти» – так часто немцы бомбили и обстреливали этот единственный путь, соединявший тогда оба берега Ижоры.

«Проспект» – проспект Ленина как таковой («живет на проспекте»), в отличие от Заводского проспекта, чаще всего именуемого просто «Заводским».

«Полтинник» – дом по адресу Павловская улица, 82. В советское время там располагался продовольственный магазин №50. Ныне – «Пятёрочка»

«Простоквашино» – новый район на правом берегу Ижоры (до новой застройки 80-х годов там находились частные дома деревенского типа).

«Сарай» – магазин по адресу бульвар Трудящихся, 35/1. В советские времена там располагался хозяйственный магазин.

«Сковородка» – В советское время, место для танцевальных вечеров в Колпинском городском саду (у центральной проходной Ижорского завода). Танцпол представлял собою круглое деревянное здание, типа большой беседки. На танцах играл духовой оркестр Колпинского Дворца культуры и ансамбль. Сгорел танцпол в 1977 году. Сейчас на этом месте большая круглая клумба.

«Старый универсам» – несколько магазинов в одном здании, улица Веры Слуцкой, дом 89.

«Капелька» – в 80-90-е годы кафе-мороженое на втором этаже «Старого универсама».

«Троицкое поле» – район нынешней улицы Труда, ранее Троицкой, названной по находившемуся там Троицкому собору. Проходная Ижорского завода там называется «Троицкими воротами».

«Шанхай» – район Заводского проспекта, в 70-е годы бывший отдалёнными новостройками.

«Фидерная» – перекрёсток проспекта Ленина и улицы Танкистов и выходящая на него улица. Названы по названию электрической подстанции находящейся рядом. Там же, недалеко, находится проходная Ижорского завода и Колпинская швейная фабрика.

«Чухонка» – остров, на котором находится Парк культуры и отдыха им. 40-летия ВЛКСМ, там же «взрослый пляж». Назван по финской деревне Мокколово, ранее там стоявшей (чухонцы – прозвище финнов). В 80-е годы, летом на Чухонке было очень здорово. Работали лодочная станция, множество аттракционов: карусели, качели, колесо обозрения. К концу 90-х, практически все это пришло в негодность и было демонтировано.

1979 год

Немного истории

Наша страна проживает последний мирный год. Злосчастная Афганская война, продолжившаяся долгие десять лет и унесшая тысячи жизней советских мальчишек, толком и воевать не умеющих, берет начало именно в конце 1979-го года. Помню, как рвались туда наши призывники. Это было гордостью, если тебя направляли в Афган. И помню, какими возвращались оттуда (если возвращались) те же пацаны, – замкнувшиеся в себе, озлобленные, часто инвалиды.

Когда здоровье Брежнева ухудшилось, внешнюю и военную политику страны стали определять министр обороны Дмитрий Устинов, председатель КГБ Юрий Андропов и министр иностранных дел Громыко. Их именовали «ореховой тройкой», потому что они собирались в ореховой комнате в Кремле, рядом с кабинетом генерального секретаря, и там все решали.

Как ни странно, власть триумвирата была хуже, чем единоличное правление Брежнева. Уверенный в себе лидер способен пойти на разумные уступки и компромиссы. А тут каждый из тройки стремился продемонстрировать свою непоколебимость, стойкость.

В начале 1980-х даже Громыко, сторонник разрядки, стал занимать все более жесткую позицию. Не потому что изменил взгляды, а потому что увидел: разрядка не в моде. Брежнев уходит, надо выдвигаться вперед, а на мирных предложениях уважения в партийном аппарате не заработаешь.

Советские войска ввели в Афганистан, когда Брежнев был уже сильно болен и оставался лишь номинальным главой государства. Если бы Леонид Ильич был в здравии, он, скорее всего, не позволил бы Андропову, Устинову и Громыко втянуть страну в афганскую авантюру. Как выразился Валентин Фалин, «все дела обделывались за спиной генерального». Точнее было бы сказать, что генеральный секретарь лишился способности трезво оценивать ситуацию. По словам Фалина, Леонид Ильич «переживал упадок разрядки, своего любимого внешнеполитического детища, но ничего поделать уже не мог. Если бы даже захотел».

Кровавая афганская кампания – на совести Андропова, Устинова и Громыко. За девять лет боевых действий советские войска потеряли около четырнадцати тысяч человек. Каждый год войны стоил нашей стране три миллиарда долларов.

Решение о вводе войск было принято в самом узком кругу 12 декабря 1979 года и оформлено решением политбюро № П 176/125. Международные последствия ввода войск были для Советского Союза очень тяжелыми. Это одно из крупнейших поражений советской политики времен министерства Громыко.

В этот год весь белый свет страдает от бензинового кризиса. Ученые головы всего мира лихорадочно думают над спиртовыми, солнечными, ветряными двигателями. А у нас, в Советском Союзе, ну, и еще в странах «ОПЕК», бензин стоит копейки, и его хоть залейся. Люди в Советском Союзе, живут пока еще спокойно и весело. Они все еще верят в приход коммунизма: строится БАМ (Байкало-Амурская магистраль), в пасхальную ночь по телевидению впервые транслируется концерт одной из самых популярных групп того времени «Воплу-М», одерживаются победы в хоккее и продолжается борьба за разрядку международной напряженности и мир во всем мире.

Кроме того, руководителю нашей страны, Леониду Ильичу Брежневу присуждают Ленинскую премию по литературе, хоть все и знают, что его трилогию: «Малая Земля», «Воз-

рождение» и «Целина», писали совсем другие люди. Тираж каждой книги составил 15 миллионов экземпляров, но книги эти никто не покупает и не читает...

Этот год богат на хорошие фильмы. На экраны кинотеатров выходят фильмы «Москва слезам не верит» и «Осенний марафон», фильм-катастрофа «Экипаж» и первый отечественный боевик «Пираты XX века». На телеэкраны выходят сериалы «Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона» и «Место встречи изменить нельзя». Вновь и вновь, то на одном, то на другом канале (а их, в СССР всего три!) Центрального Телевидения, показывают фильм, вышедший в прошлом году «Дартаньян и три мушкетера» с Михаилом Боярским в главной роли.

1 января этого года был опубликован итоговый хит-парад за прошедший год. Согласно ему лучшей певицей Советского Союза в 1978 году стала Алла Пугачёва, за которую было отдано рекордное количество голосов – 2 037. Даже её ближайшую конкурентку – Софию Ротару – отделила от неё пропасть в 1 338 голосов (Ротару набрала 699 очков).

6 января триумф Аллы Пугачёвой продолжился: по 1-й программе ЦТ, в 22.20 по московскому времени, был показан телевизионный фильм «Театр Аллы Пугачёвой», снятый минувшим летом таллинским режиссёром Тоомасом Ласманном. Фильм запустили сразу в двух десятках кинотеатров, и первые несколько недель ажиотаж вокруг этого события стоял огромный. Ещё задолго до премьеры фильму сопутствовала широкая рекламная кампания, где сообщалось, что сюжет основан на реальных событиях из жизни Аллы Пугачёвой. Это была хитрая уловка прокатчиков: на самом деле подробностей из жизни певицы номер один там практически не было. Но уловка сработала – публика рванула в кинотеатры. И в целом осталась довольна увиденным: сюжет в фильме, конечно, незамысловат, зато песен, причём очень хороших, предостаточно.

5 марта на экраны столичных кинотеатров вышел фильм Александра Орлова «Женщина, которая поёт», где главную роль опять же исполнила Алла Пугачёва. И чем сильнее пресса ругала этот фильм, тем охотнее народ шёл на него. Так у нас было всегда: например, когда в 70-м пресса изо-всех сил громила фильм «Опасные гастроли» с Владимиром Высоцким, зрители шли на него толпами. В итоге фильм вышел на 4-ю позицию по стране – его посмотрели 36,9 миллиона зрителей. Что касается «Женщины...», то она переплюнула этот результат, заняв в прокате 1-е место – его посмотрели 54 миллиона 900 тысяч зрителей. Ближайший преследователь – комедия «Баламут» – отстала от неё на 15 миллионов 600 тысяч зрителей. Алла Пугачёва будет названа лучшей актрисой года.

Но случилось и печальное событие. 11 августа 1979 года в 13.35 на высоте 8400 м в районе Днепродзержинска столкнулись два самолета «Ту-134». Погибли 178 человек – 13 членов экипажа и 165 пассажиров, в том числе футболисты команды «Пахтакор».

Сведения об авиакатастрофах редко появлялись в советских газетах. Если что-то происходило, старались об этом молчать. Наши люди практически никогда не знали, о каких-то трагедиях, происходящих на территории СССР, но гибель в одночасье одной из лучших футбольных команд страны практически в полном составе – событие огромного масштаба, которое невозможно было замолчать.

В 1979 году годы на предприятиях все еще выдаются к праздникам продовольственные наборы с советскими деликатесами, призванные утолить тоску населения по изысканным кушаньям, которых не найти на полках магазинов. Что же входило в такой набор? Обычно это была тушка импортной сырой курицы, баночка красной или черной икры, баночка шпротов или кальмаров, банка растворимого кофе, пачка индийского чая, пакет гречки,

тоже являвшейся дефицитом в стране, сырокопченая колбаса, которой в свободной продаже вообще никогда не было. К Новогодним праздникам в наборы добавляли бутылку советского шампанского и коробку шоколадных конфет «Ассорти».

Конечно, это все выдавалось не все сразу, а только к праздникам, и ингредиенты наборов варьировались. Довольно часто в них добавлялись, продукты не столь желанные к столу, а наоборот те, которые не пользовались у населения спросом. Периодически в нашей стране из продажи исчезали то одни, то другие продукты и они так же, плавно переходили в разряд деликатесов.

А хотите узнать, как жила элита нашего социалистического общества в годы застоя? Вот небольшая выдержка из книги Леонида Ивановича Млечина «Брежнев»:

...«Мы жили довольно скромно, – рассказывал в интервью Михаил Сергеевич Соломенцев, который был сначала секретарем ЦК, затем членом политбюро. – Я получал как предсовмина РСФСР и как секретарь ЦК КПСС восемьсот рублей в месяц (при средней зарплате по стране – 120 рублей! А. Б.), была служебная машина, госдача. Ну, еще лечение, санатории... Что еще? Ах да, так называемый кремлевский магазин. Но в нем я был всего несколько раз – купил одну импортную бритву. Жена, правда, покупала там рубашки, белье. Костюмы мне шили на заказ. Привозили образцы тканей, приезжали с примеркой. Костюм стоил сто тридцать – сто сорок рублей. У меня их было штук пятнадцать...»

Восемьсот рублей – такова была зарплата всех секретарей ЦК, включая генерального. В 1974 году Леониду Ильичу Брежневу прибавили еще пятьсот рублей, в 1978-м – еще двести.

Но деньги как таковые никого в высшем эшелоне власти не интересовали, потому что покупать, собственно, было нечего, – всё выдавали или бесплатно, или платить приходилось суице пустяки. Скажем, секретарь ЦК имел возможность заказывать продукты на спецбазе на сумму двести рублей (членам политбюро выдавали харчей на четыреста рублей, кандидатам в члены политбюро – на триста), но эти цифры ничего не говорят, потому что цены на спецбазе были мифически ничтожные. Получаемых на базе экологически чистых, проверенных врачами продуктов с лихвой хватало и на большую семью, и на то, чтобы достойно принимать гостей. Перечень продуктов, которые можно было заказать, составлял сотни страниц. На рабочем месте секретарь ЦК завтракал, обедал и ужинал бесплатно, и с собой ему завертывали всё, что душа пожелает»...

...«Правительственные дачи располагались в районе к западу от столицы вдоль Москвы-реки, – писал бывший заведующий общим отделом ЦК Валерий Болдин. – Это были, как правило, современной постройки виллы, расположенные обычно на участках соснового леса размером до пятидесяти гектаров. На территориях имелись теплицы, вольеры для птицы, загон для другой живности. К виллам в последнее время пристроили бассейны и сауны. Дачи были в несколько этажей со множеством комнат, спален, ванн, туалетов. Имелись большие столовые, бильярдные-кинозалы, в которых легко могло разместиться до сорока-пятидесяти человек гостей. К дому, как правило, примыкал хозблок, комнаты с морозильниками, кухнями. На территории имелся теплый гараж, в котором круглосуточно могли находиться специальные машины. Кроме подмосковных дач, в курортных местах существовали для членов руководства виллы и дворцы, оставшиеся еще с царских времен, для летнего отдыха. Практически для каждой семьи имелась своя курортная дача, и тем не менее строительство их продолжалось»...

...«В отпуск или командировку секретарь ЦК летал не рейсовым, а спецсамолетом. Ни за дачу, ни за отдых в государственной резиденции платить ничего не надо было. В отпуск члена политбюро сопровождал личный врач. Если возникала нужда в каком-то специалисте, его доставляли из Москвы».

В брежневские времена члены политбюро пересели в огромные ЗИЛы – 114 ручной сборки, секретарям ЦК полагалась машина поменьше – ЗИЛ-117. Министрам, заведующим отделами ЦК предоставлялась «чайка», которую начали выпускать еще к XXI съезду партии. Членам семьи для хозяйственных нужд дополнительно выделялась «Волга». У членов политбюро и секретарей ЦК были личные повара. На каждый день под наблюдением врачей-диетологов составлялось обширное меню. Оставалось только пометить, что высокое обслуживаемое лицо желает сегодня съесть. К столу каждое блюдо доставлялось в опломбированных судках.

Членам политбюро полагался семейный врач, который постоянно наблюдал пациента и в случае необходимости призывал на помощь любых специалистов.

Спецполиклиника находилась на улице Грановского в старом трехэтажном здании, которое принадлежало Четвертому главному управлению при Министерстве здравоохранения СССР.

Существовали специальные магазины, закрытые мастерские, распределители, – описывал быт высшего руководства Валерий Болдин, – где члены политбюро и их семьи могли приобрести всё импортное, и практически в неограниченном количестве».

При Хрущеве в ГУМе открыли «200-ю секцию». Официально она предназначалась для важных иностранных гостей – коммунистов, которые, приезжая в столицу первого в мире социалистического государства, могли там купить то, что им хотелось, и убедиться в преимуществах нового социального строя. В реальности эта секция вскоре превратилась в торговую точку для семей высшего руководства – там покупали дубленки и шубы, драгоценности, бытовую технику.

Основная номенклатура в Москве начиналась с первого секретаря райкома партии, члена коллегии министерства, заместителя главного редактора крупной газеты. Право пользования системой Четвертого управления и столовой лечебного питания определялось решением секретариата ЦК. В протокол заседания секретариата ЦК КПСС о назначении такогото на такую-то должность вписывалась ключевая фраза – «и распространить на него права пользования столовой лечебного питания и Первой поликлиникой Четвертого главного управления при Минздраве СССР.

При повышении работника в должности постановление секретариата предусматривало «сохранение права пользоваться столовой лечебного питания и распространение на него права пользования Объединенной спецбольницей и поликлиникой Четвертого главного управления при Минздраве СССР (это более привилегированное медучреждение на Мичуринском проспекте). Столовая лечебного питания на протяжении многих десятилетий снабжала советскую номенклатуру продуктами хорошего качества. А высшему партийному руководству достаточно было продиктовать обслуживающему персоналу, что именно нужно, и всё доставляли на дом. Этим ведало Девятое управление КГБ...

Такова кремлевская традиция.

Это на Западе охрана только бережет жизни. У нас в СССР было всё по-другому. Одежда и еда, мебель и выбор дачи, здоровье и досуг, щекотливые поручения и тайные встречи – всем занимается личная охрана.

Кстати, Корней Чуковский, который лечился в ЦКБ весной 1965 года, записал в дневнике:

...«Больница позорная: работники ЦК и другие вельможи построили для самих себя рай, на народ – наплевать. Народ на больничных койках, на голодном пайке, в грязи, без нужных лекарств, во власти грубых нянь, затурканных сестер, а для чинуш и их жен сверх-питание, сверх-лечение, сверх-учтивость, величайший комфорт»...

Система номенклатурных благ распространялась вплоть до райкома партии (в меньших, разумеется, масштабах). В областных центрах существовали спецполиклиники с больницами, продовольственные базы и спецстоловые, куда пускали по пропускам с фотографией.

Причем обком партии и облисполком располагались в одном здании, но в столовой работники двух учреждений часто расходились по разным залам – партийцы, как высшая власть, обеды отдельно даже от советской власти... И еще был зал для самого высокого начальства. Отобедав и загрузив сверток с продуктами для семьи в багажник черной «Волги», областные и районные начальники рассказывали согражданам, какое им выпало счастье – жить при развитом социализме...

– За что-же все начальники любили Брежнева?

«За то, что при нем можно было наслаждаться жизнью и не работать, – рассказывал мне один из высокопоставленных сотрудников аппарата ЦК. – Неохота на работу ехать, позвонишь руководителю секретариата: меня сегодня не будет – и отдыхай. Брежнев никогда за это не наказывал».

Высокопоставленные чиновники стали ездить за границу, посылали туда своих детей работать, с удовольствием приобщались к материальным достижениям современной цивилизации. В Подмоскowie строились роскошные по тем временам дачи, на улицах Москвы появились новенькие иномарки. Чиновная знать охотилась за модной живописью и антиквариатом. Брежнев не любил скандалов и снисходительно относился к мелким грешкам своих подчиненных.

Менее чем через два года после прихода Брежнева к власти, 28 июля 1966 года, политбюро приняло закрытое решение о порядке работы членов высшего партийного руководства. Леонид Ильич был еще в превосходной форме, но режим установил щадящий. Рабочий день с девяти утра до пяти вечера с обязательным перерывом на обед. Отпуск – два с половиной месяца...

Ну что Вам еще рассказать о тех годах? Стоит упомянуть наверно и о больших целлофановых пакетах. Целлофановые пакеты в СССР начали входить в домашний обиход, как раз в конце семидесятых годов. До этого продукты в магазинах упаковывались в специальную бумагу, некоторые большие товары обвязывались шпагатом.

Большие же, целлофановые пакеты с ручками, с какими либо изображениями – были атрибутом только западной культуры, хотя и у нас после 1980-х годов начали выпускать свои целлофановые пакеты. Наряду с жевательной резинкой – большие фирменные целлофановые пакеты в СССР являлись символом достатка и приобщения к загранице.

В переходах метро, на железнодорожных вокзалах Ленинграда и Москвы, целлофановые пакеты по спекулятивным ценам стабильно продавали цыгане. Они же чаще всего продавали и мужские ботинки на скошенном каблучке, вошедшие тогда в моду. С рук, пакеты стоили довольно прилично для того времени: от 5 до 15 рублей, в зависимости от того, что на нем изображено. До появления бешеной моды на пакеты, продвинутая часть молодежи, ходила в те годы, как сейчас помню, с торбами из некрашеной мешковины, на которых обычно трафаретом изображался портрет певца Демиса Руссоса, дуэта «Баккара», нашей певицы Аллы Пугачевой и Михаила Боярского, группы «Бонни-М» или «АББА». Взрослое население страны пакетами и торбами не интересовались, – они почти всегда носили при себе сетки-авоськи.

С привезенными фарцовщиками из-за границы пакетами, специально ходили погулять в центр города, покрасоваться заграничной вещью на зависть другим прохожим. Продвинутая молодежь пыталась ходить с ними и в школы, но там с этой «заграничной дрянью» велась борьба, вплоть до того, что пакет разрезался учителем ножницами и выкидывался. А вот в ПТУ, техникумы и институты, многие учащиеся уже свободно носили вместо портфелей, фирменные пакеты с учебниками.

Полиэтиленовые пакеты в Советском Союзе отнюдь не были одноразовой упаковкой, как сейчас, а бережно хранились, береглись. Чтобы уменьшить нагрузку, в новый пакет всегда вкладывался более поношенный.

Отдельно можно рассказать и о фарцовщиках тех лет. Фарцовщики в СССР появились еще в пятидесятые годы. Во время международного фестиваля молодежи и студентов в Советский Союз приехало много иностранных граждан и первыми валютчиками-фарцовщиками стали студенты, модные молодые люди. Термин фарцовка происходит от английского «for sale» – для продажи.

Фарцовщики отличались от спекулянтов тем, что торговали исключительно перекупленными, или выменянными у иностранцев модными товарами западного производства.

После расстрельного дела валютчиков (в то время за незаконные валютные операции была предусмотрена смертная казнь!), начала шестидесятых годов, фарцовщики действовали крайне осторожно. А вот к середине семидесятых, фарцовщики в СССР уже осмелели.

Расцвет фарцовки в СССР приходится как раз на конец семидесятых годов. В 1979 году, ходовыми товарами черного рынка являлись добытые из-за рубежа джинсы, обувь, пластинки, магнитофоны, прочий ширпотреб, а также спиртные напитки, продукты питания. Импортные товары, которые предлагал фарцовщик в СССР, назывались – «Фирма», с ударением на последний слог.

Если в пятидесятые-шестидесятые годы фарцовщики сами добывали товар, и сами же его реализовывали, то в 1979 году структура значительно усложнилась. Одна часть фарцовщиков непосредственно скупала вещи у иностранцев, другая перекупала у добытчиков, третья работала посредниками между перекупщиками и продавцами. Внутри каждой группы имелись свои специфические подгруппы. Фарцовщики скупали товары у моряков, в гостиницах «Интурист», интерклубах, у дальнобойщиков «Совтрансавто».

В гостиницах «Интурист», скупкой фирменных вещей занимались практически все работники. Это были и горничные с дежурными, и администрация, официанты и бармены. Весь купленный товар в итоге оказывался в руках фарцовщика-продавца. Продажа импортного ширпотреба обычно осуществлялась на квартире у фарцовщика. Причем посредником, выводившим покупателя на квартиру, выступал другой фарцовщик, на которого, в свою очередь, выводил покупателей первый фарцовщик. Это хорошо показано в советском фильме «Самая обаятельная и привлекательная»

Фарцовщик всегда выделялся внешним видом на фоне большинства невзрачно одетых советских граждан. Он одевался в импортные вещи, модно, дорого. Фарцовщик употреблял англоязычный сленг, отлично разбирался в западной музыке. Фарцовщики в СССР, можно сказать, являлись первыми бизнесменами. Однако это были бизнесмены «по-советски», с идеологической подоплекой, называемой «западоклонничество».

Цены на валюту в СССР и цены на товары, привезенные из-за рубежа, складывались стихийно. Постепенно они создали отдельную нишу советской экономики. Да что там ниша – это была отдельная, хотя тоже, вроде бы советская страна, со своими законами.

А вот чисто валютными операциями заниматься в стране того периода, было крайне опасно. Даже за несколько, найденных у вас долларов или другой валюты, светил очень приличный срок. Официальный обменный курс иностранных валют в СССР, никак не выполнял роли денежного эквивалента. Искусственно заниженный курс доллара, который в 1979 году составлял всего 65,9 копейки за доллар! все окончательно запутывал. Болгарские «левые», что официально стоили дороже доллара США. Приведем простой пример: покупает американец обычные джинсы за 20 долларов в своей стране (хотя в 1979-м, думаю, можно было и за 13 купить) и затем приезжает в СССР. Согласно официальному курсу – сколько стоят здесь его ковбойские штаны? Примерно 14 рублей. А сколько они стоят «с рук», то есть на черном рынке? В 1979-м от 80 до 150 рублей. В восьмидесятые годы джинсы стоили – уже от 120 до 250-ти рублей. Коэффициенты, проценты прибыли, можете посчитать сами.

Можно было, конечно, купить за 16 рублей и вьетнамские синие брюки или так называемые «техасы», но «не коммифо», как тогда выражались, это было для советской продвинутой молодежи тех лет.

Продажа валюты с рук, через фарцовщиков и спекулянтов, шла по особому курсу. Хорошим считался курс 2 рубля 50 копеек за доллар или 3 рубля за доллар. Но это для посвященных. Для обычных людей цена доллара на черном рынке – 4 рубля.

Кто хотел купить валюту? Конечно все выезжающие за рубеж: спортсмены, писатели, инженеры. Чтобы не ходить там с тремя центами в кармане, так как им валюта выдавалась в мизерных размерах, а купить что-то стоящее. И опять же, затем, привезти в СССР, и снова продать, и таким образом окупить поездку. Риск «залететь» по валютной статье? Конечно, был и, конечно, боялись. Но экономическая мотивация вещь упрямая.

Спекуляция же в целом, в стране тех лет процветала и не была связана только с импортом. Например, в Ленинграде и Москве существовала студенческая театральная мафия, которая держала в своих руках театральные билеты на «дефицитные» спектакли. Спекулировали также книгами, пластинками, спортивным оборудованием, материалами для художников и т. д.

Были еще мелкие «туалетные спекулянтки», которые в общественных туалетах перепродавали товары для женщин. То была в основном мелочь – тени для век, лифчики, помада. Если польская компактная пудра в магазине польской косметики «Ванда» стоила 3 рубля, то такую пудру, чтобы не простаивать часами в километровых очередях, можно было купить за 5 рублей в дамских туалетах на вокзалах.

Кроме профессионалов, на черном рынке было полно игроков-любителей. Спекуляцией занимались практически все, кто выезжал за границу. Например, у кого-то были знакомые артисты цирка, или кто-то из театральных трупп, выезжающих за рубеж, или выездные танцовщицы, к примеру, из ансамбля танца «Березка». Они с нетерпением ждали приезда этих счастливых людей с очередных гастролей, чтобы оценить, какие вещи для продажи привезены на сей раз. Цены у таких спекулянтов-любителей превышали магазинные примерно в два-три раза: туфли, босоножки, различные шмотки, у них покупали за 70—150 рублей, в магазинах, что-то подобное стоило бы 25—40 рублей. Но, вся проблема была в том, что в советских магазинах, таких вещей, отродясь не бывало!

Экономика в стране словно раздваивалась, ее тень мстила за нарушение законов логики и справедливости. Тень становилась все более мощной – и в конце концов поглотила ослабевшего хозяина. После Олимпиады 1980-го года, фарцовка стала почти легальной, а к концу восьмидесятых практически сошла на нет. Окончательно исчезли фарцовщики в СССР вместе с развалом Советского Союза.

А что же у нас происходит в музыкальной жизни страны этого года? Юрий Антонов, наряду с Аллой Пугачевой, к этому времени является одним из самых популярных советских исполнителей. В этом году он начинает сотрудничать с группой «Аракс», что приносит ему всесоюзную славу. Сотрудничество с группой у Антонова получается очень плодотворным. В этот год записывают такие известные песни, как «Анастасия» и «Зеркало». Пластинки Юрия Антонова расходятся огромными тиражами – свыше 20 миллионов копий.

Успех Антонова не остается незамеченным советскими режиссерами и ему предлагают включить свои песни в новый фильм «Берегите женщин», который снимают на одесской киностудии. Юрий Антонов соглашается, и первый раз пишет песни специально для фильма. В результате рождаются такие песни, как «Берегите женщин», «Наша жизнь» и «Всему свое время». Исполняют песни в фильме, как сам Юрий Антонов, так и солисты группы «Аракс». Успех этой картины приносит Антонову и группе «Аракс» еще большую известность. Композитору начинают поступать предложения от разных киностудий. Все хотят,

чтобы Антонов написал песни к их фильмам. Юрий Антонов в те годы зарабатывает более миллиона рублей и может позволить себе ездить на автомобиле «Volvo». Стоит отметить, что в 1979 году за эти деньги можно было бы приобрести более двухсот машин «Жигули»!

В декабре в Останкино прошла запись финальной «Песни года». Как и в прошлых выпусках, большинство из представленных песен народу практически неизвестны и настоящими шлягерами вряд ли могли считаться. Весь год из большинства окон слышались совсем другие песни. А именно: «Так не должно быть», «Мир без любимого», «Девушка из Полесья», «Летний вечер», «Золотая лестница», «Зеркало», «Поворот», «Кто виноват» и др. Но их авторы были не в чести у руководителей отечественного ТВ, поэтому оставались за бортом финальной «Песни года».

Немного хочу рассказать и об игровых автоматах тех лет. «Морской бой», «Охота», «Сафари», «Снайпер», «Магистраль» – так назывались первые советские игровые автоматы, появившиеся в холлах кинотеатров, вестибюлях гостиниц, на вокзалах, в парках культуры и отдыха накануне Олимпиады-80. Стоимость одной игры – 15 копеек. В случае выигрыша победитель награждался призовой бесплатной игрой, а не золотым дождем пятнадцатикопеечных монет. Поэтому в игровом зале нельзя было встретить игромана с диким взором и пустым кошельком; стоимость одной игры была равна стоимости пустой пол-литровой бутылки из-под кефира или из-под пива.

Единственным исключением был автомат-аквариум, железными щупальцами поднимавший из своего прозрачного нутра различные игрушки. Как правило, игрушка срывалась в самый ответственный момент, но, в принципе, достать ее из автомата было возможно. Поэтому автоматы, играющие «на интерес», со временем стали покупать шефские организации в интернаты или пионерские лагеря для развлечения подшефных детей.

Технически автоматы делились на две группы: механические и электронные. В электронных обычно уже имел место телеэкран для изображения игрового сюжета. Притом, что в конструкциях часто использовались зарубежные идеи, автоматы были довольно оригинальными конструкциями. Иногда один и тот же автомат существовал под разными названиями, как, например «Охота» и «Ни пуха, ни пера», отличающиеся только видом мишеней.

Одним из самых популярных игровых автоматов был в те годы «Морской бой». Играющий смотрел в перископ, и видел на морском горизонте корабли противника. Чтобы направить к ним советскую торпеду, нажимался «пуск» – и к кораблям шла зеленая точка. Вражеская эскадра гибла под характерный лязгающий звук.

Игровые автоматы просуществовали вплоть до распада СССР. Инфляция 1991-го года резко обесценила 15-копеечные монеты, и монетоприемники игровых автоматов осиротели.

В этом году глава СССР, Леонид Брежнев и американский президент Джимми Картер подписывают договор об ограничении производства ядерного оружия. Они так же договариваются, что ограничение будет касаться не только наземных объектов, но и космоса. На данном этапе в ядерной гонке побеждает «дружба».

И снова обо мне

1

Уезжая из нашего поселка Петро-Славянка, где я провел все свое детство, я не о чем не жалел. Наоборот, ждал от новой, городской жизни в Колпино, больших перемен к лучшему. Тем более что моя бабушка сказала перед нашим отъездом, что наш земельный участок в Петро-Славянке, так и останется за нами, и если я захочу, то всегда смогу построить на нем в будущем дачный домик и ездить туда, как на дачу. Но сам наш дом, в котором я прожил четырнадцать лет, бабушка кому-то продала, и его вскоре должны были разобрать и куда-то вывезти, то ли на дрова, то ли просто перевезти на другое место. Я тогда над всеми этими вопросами не задумывался и к сожалению не знал закона, что если хозяева земельного участка не появляются на нем в течение трех лет, – этот участок отдают другим людям, что к сожалению и случилось в дальнейшем.

Новый 1979 год, мы отмечали с мамой и бабушкой в нашей новой двухкомнатной уютной квартирке, еще пахнувшей свежими опилками, после циклевки паркета. Окончательно мы переехали в Колпино, в конце октября прошлого года. В Славянке остался дом с большим садом и улочки моего детства. Практически все мои друзья, тоже уже переехали из Славянки, или собирались переехать в ближайшем будущем в Колпино.

Вокруг нашей девятиэтажки, – дом 48, на перекрестке улицы Веры Слуцкой и бульвара Трудящихся, во дворе, была той осенью непролазная грязь, тут и там валялись груды строительного мусора. К подъездам домов можно было проходить лишь по настеленным деревянным мосткам.

Улицы Раумской ещё не было как таковой, – ни одного дома. Но в нашем дворе уже стоял и заселялся дом 18 по бульвару Трудящихся. Впрочем и двора нашего, как такового, тогда ещё не было. Сразу за нашим домом со стороны ул. Раумской, простирался парк, где спустя лишь много лет построят рынок. А перед нашим, сорок восьмым домом, со стороны парадных, только строилось здание детского сада. За детским садом тоже еще не было домов, только начинали строить фундаменты.

Через дорогу, у здания Военхота (б-р Трудящихся д.16А), тоже все было совсем не так, как сейчас. Вместо дома №85, по ул. Веры Слуцкой, напротив нашего дома, стояли лишь несколько трехэтажных домишек и деревянных сараев, где жители этих домов хранили свое имущество. Дальше, где потом построили здание АТС (телефонной станции), тоже был сплошной пустырь.

Переехав, я тут же начал благоустраивать наше новое жилище. Из Славянки мы забрали только платяной шкаф, тумбочку с телевизором, холодильник, стиральную машину, полки и ещё что-то по мелочевке: книги, белье, одежду. Все остальное, – кухонную мебель, диваны, – решили купить новые. Поначалу мы решили, что я с мамой буду жить в большой комнате, а бабушка в маленькой, но в дальнейшем, как-то так получилось, что они с бабушкой стали спать в маленькой комнате, предоставив большую комнату полностью мне. Впрочем, мама только спала в бабушкиной комнате, а так мы прекрасно с ней уживались. Вместе смотрели телевизор, что-то придумывали насчет нового дизайна квартиры. Теперь у нас была большая лоджия, что тоже радовало. У самого дома, перед лоджией, летало множество чаек, а я кидал с лоджии кусочки хлеба, который чайки подхватывали прямо на лету.

Но больше всего мы все наверно радовались ванной комнате. Отпала необходимость каждые выходные топать в общественную баню, как это постоянно происходило в Славянке. Для меня ванная стала местом отдыха. По началу, я чуть ли не через день залезал погреться в ванну

и частенько там задремывал, что мне очень нравилось, – такие сны интересные снились именно в теплой ванне, когда ты находишься на грани сна и бодрствования.

2

За пару месяцев нашей городской жизни, мы с мамой познакомились с некоторыми соседями по лестничной площадке. В основном, мы заходили частенько в гости к Цветковой Галине. Она жила на нашей площадке в квартире №123, со своим мужем, мамой, сыном и маленькой дочкой Леной, переехав чуть раньше нас. Кстати, спустя где-то десять лет, я встречал дочку Галины Цветковой, Лену из роддома, вместо настоящего папаша, – Гусева Миши, жившего в соседнем доме на улице Раумской и заделавшего ей ребеночка по неопытности. Лена, влюбившись в Мишу, позволила ему сделать свое «черное» дело, в смысле, переспать с ней. После этого, он тут же от Лены и ребенка отказался. Впрочем, это все будет потом, и об этом я наверно расскажу в свое время.

Итак, с утра 31 декабря началась подготовка к празднованию нашего первого Нового года в новой квартире. Мы с моим другом и одноклассником Генкой Фалевым, пошли бродить по магазинам, выискивая все, что нам было заказано родителями из продуктов. Хотя найти что-то дефицитное, типа колбасы сервелата, бананов или ананасов, было невозможно, но иногда, что-то, все же выбрасывали в последний день перед праздниками. Впрочем, чтобы не рассказывали про эти годы, необходимые продукты и тем более спиртное в магазинах всегда были, хотя и очереди за ними были тоже всегда немаленькие. Чтобы купить кусок мяса, колбасы, каких-то молочных продуктов, и т. д., надо было сначала отстоять очередь в отдел, чтобы продавец взвесил товар, а потом еще одну очередь в кассу. И только потом, с чеком в руках, вы вновь протискивались сквозь толпу покупателей к прилавку отдела и забирали свой отложенный товар. К тому времени уже начали появляться магазины самообслуживания, – универсамы, но хватало еще магазинов старого образца, с продавцами.

Купив все, что нам заказали, мы с Генкой весь остаток дня сидели у меня, смотрели телевизор, брякали на гитаре, слушали пластинки на проигрывателе «Аккорд», подаренный мне студентами, снимавшими у нас комнату еще в Славянке, который я конечно забрал с собой. Вечером, перед самым новым годом, Генка сбегал домой, встретил праздник в кругу своей семьи, а потом вновь пришел ко мне и мы всю ночь праздновали вместе.

В течение вечера 31 декабря и последующей новогодней ночи, ко мне время от времени забегала и моя, теперь уже бывшая одноклассница Ольга Терещенко, переехавшая так же, как и мы с Генкой осенью в Колпино. Правда, школу она решила заканчивать в Славянке и ездила туда каждое утро.

По счастливому стечению обстоятельств Ольга получила квартиру в том же доме №48 по улице Веры Слуцкой, что и мы с Генкой (он теперь жил через парадную от моей, на втором этаже), и жили мы с ней теперь даже в одной парадной, только она на шестом этаже, а я на четвертом. И если в школе, мы особо с Ольгой не общались, так как она была, можно сказать из другого мира, – совхоза «Ленсоветовский» (а для тех, кто жил в самой Славянке, это действительно был другой мир, где мы практически никогда не бывали), то теперь был повод познакомиться с Ольгой поближе. У нее дома стояло пианино, так как она занималась музыкой и в последующие годы, мы иногда совместно что-то придумывали. Я играл на гитаре, она на пианино.

Новый год в целом прошел довольно весело, мы смотрели телевизор, ходили к соседям Цветковым поздравлять их, они заходили к нам. К этому году у советских людей уже сложилась традиция смотреть в Новогоднюю ночь фильм «Ирония судьбы или с легким паром» и этот

год не стал исключением. Снятый в 1975 году, он на долгие десятилетия стал неотъемлемой частью новогодних праздников в нашей стране.

Пока соседи не знали, что у моей мамы проблемы с психикой, все было замечательно, но потом, когда мою мать несколько раз увозили из дома в психиатрическую больницу, они уже к нам, относились несколько настороженно. Мало ли что, от таких соседей можно ожидать? Но оправдала их опасения не моя мама, а я! Вскоре, они «на стены лезли» от такого соседа. Но это будет потом, а пока вернемся к Новому году.

Мы с Генкой бегали к Ольге Терещенко, она с младшей сестрой Ирой, забегала к нам. Часа в три ночи, вдруг во всем доме отключили свет. Все-таки наш дом был только что построен, и видимо где-то что-то перегорело. Пришлось пару часов без света сидеть, пока все не починили, но это тоже было интересно. Мы зажгли свечи, жгли бенгальские огни. Мы с Генкой и Ольгой выходили несколько раз прогуляться во двор и по ул. Веры Слуцкой.

На ночных улицах было полно народу, тут и там хлопали хлопушки, сверкали бенгальские огни, слышались песни, смех и поздравления с праздником. В общем, было очень весело и казалось, что впереди нас ждет только хорошее.

3

Новогодний праздник закончился, но впереди у нас еще были две недели зимних каникул, так что настроение было замечательное. Меня ждала учеба в новой школе, знакомство с новыми друзьями.

В первые дни каникул, мы с Генкой изучали город, ездили по магазинам. Особенно мы любили бывать в магазине радиотоваров, находившимся на ул. Павловской, дом 23, так как там продавали кроме всего прочего грампластинки, электрогитары и другие музыкальные инструменты. Мы в дальнейшем постоянно покупали там пластинки, а позже, бобины с пленкой для катушечных магнитофонов. Мы ходили вдоль витрин, глядя на электрогитары, и я уже тогда мечтал, что когда-нибудь куплю себе тоже такую.

Еще мы любили ездить в 26-ой магазин на ул. Труда, дом 7. Там на втором этаже, была куча всяких промтоварных отделов, где нам тоже было интересно побродить, посмотреть. Весь первый этаж занимали продовольственные отделы: булочный, кулинария, мясной, овощной и т. д. На Новый год весь магазин украшали гирляндами, устанавливали в центральном холле большую елку.

Заходили частенько мы и в «Старый универсам», на улице Веры Слуцкой, д. 89, где на втором этаже было кафе-мороженое «Льдинка», а еще парикмахерская и детская библиотека, куда я тут же, после переезда записался, так как читать всегда любил.

После зимних каникул, я должен был идти учиться в новую школу. Школу №454, где мне предстояло доучиваться в 7 и 8 классах, мы подыскивали с мамой еще осенью, сразу после переезда. Перед этим мы, правда, объездили еще несколько колпинских школ, но у директоров не было особого желания принимать к себе троечника, и только в 454 школе, наконец-то, меня решили взять.

Кстати школа №454, в те годы находилась рядом со стадионом «Ижорец», на улице Тверской, дом 23, и только в начале 80-х годов переехала по новому адресу на Заводской проспект. В школу надо было ехать на автобусе через новый Ижорский мост. Кстати, этот семипролётный, 250-метровый мост, через реку Ижора, шириной 20 метров, соединивший Пролетарскую улицу с улицей Ремизова, был открыт всего год назад, в канун ноябрьских праздников 1977 года.

Так получилось, что Генку Фалева и еще одну нашу одноклассницу из Славянки, Лену Кочкину (тоже из совхоза «Ленсоветовский»), переехавшую в Колпино на месяц раньше нас,

(теперь она жила через пару дворов от нас, в доме №28, по Бульвару Трудящихся), оформили в ту же школу, что и меня, и даже в один 7А-класс. Так мы опять оказались вместе.

4

Через несколько дней после нового года, во время зимних каникул, мы с Генкой познакомились с местными ребятами, которые переехали раньше нас в соседние, только что построенные дома и уже собрали свою местную «тусовку». С этого знакомства, можно сказать, и началась моя колпинская, городская жизнь. Права при первом знакомстве, дело чуть не дошло до драки, но помогла случайность. А произошло это знакомство вот как:

Однажды вечером, через несколько дней после Нового года, я как всегда сидел дома, слушал пластинки, смотрел телевизор. Вдруг раздается звонок в дверь. Я открываю, и в прихожую влетает запыхавшийся Генка Фалев. Дальше был примерно такой разговор:

– Саня, нас с Ольгой Терещенко сейчас чуть не избили, то есть меня! – затораторил он с порога. – Мы как раз из «старого» универсама возвращались и уже к нашему дому подошли, как вдруг из первой парадной вышли несколько человек и кричат нам вслед: «Эй, пацан, ну-ка погоди! Поговорить надо!». Но мы уже подходили к твоей парадной, ну и забежали, так как, те пацаны уже чуть ли не бегом за нами побежали. Ольге-то хорошо, – она в этой парадной живет, а мне с продуктами домой надо. А они там стоят наверно, поджидают.

– Ну и что, тебе что, в первый раз драться что ли? – спросил я.

– Ну, если бы против одного, или двух, тогда да, но там человек пять вроде было, а за просто так, получать по роже, как-то мне не хочется.

– А может, выйдем, поговорим. – предложил я. – Глядишь, познакомимся и до драки не дойдет.

– Ну, если ты пойдешь, можно и попробовать. Если что, вдвоем-то мы их раскидали бы наверно.

Слово за слово мы, наконец, решили выйти. Я настолько распалил себя возможным предстоящим сражением, что даже куртку не надел, – выскочил на улицу, на мороз в спортивном костюмчике, без шапки. Вышли мы, из парадной, огляделись. Вокруг никого!

– Ну вот, а ты боялся, – сказал я. – Драка отменяется, все тебя испугались и убежали, можешь топать домой.

Я уже развернулся и собрался идти назад домой, но тут... Открывается дверь соседней парадной и из нее начинают выходить пацаны. Один, другой, третий, четвертый...

Когда на улице образовалась толпа примерно из 10—12 человек, я понял что мы кажется конкретно влипли, но отступать уже было как-то нехорошо и я решил про себя: «Будь что будет, но без хорошей драки я не сдамся».

Тем временем толпа ребят молча, двинулась к нам, а поравнявшись, начала в гробовом молчании обтекать нас с Генкой с двух сторон, оглядывая с головы до ног и наверно решая, как лучше докопаться, с чего начать.

Обойдя нас, они все также молча, прошли шагов на двадцать вперед и наконец, остановившись в конце дома, напротив Генкиной парадной, о чем-то стали переговариваться между собой, то и дело, оборачиваясь на нас. Мы тоже молча ждали, и наверно с довольно решительным видом. Во всяком случае, я уж точно; руки в карманы, презрительный взгляд! Правда, внутри все дрожало от прихлынувшего адреналина, но этого никто, слава богу не видел.

Наконец пошептавшись, и очевидно что-то решив, от толпы отделились двое ребят и направились к нам. Мы приготовились дать достойный отпор, но... подойдя вплотную к нам, вместо традиционной фразы: «Дай закурить!» или что-нибудь типа того, один из них неожиданно спросил меня:

– Ты нас не помнишь?

Я пригляделся и под надвинутыми на глаза шапками действительно увидел чем-то знакомые лица, но вот вспомнить, где я их видел, ни как не получалось.

– Может в пионерском лагере вместе были? – предположил я.

– Да нет, – усмехнулся один из ребят. – Вспомни «ДПШ», уроки на гитаре!

И тут я вспомнил, что действительно, всего полгода назад мы с Генкой вместе с ними занимались на гитарах в ДПШ (Доме пионеров и школьников), что у детского пляжа стоит на Комсомольском канале.

5

Так, слово за слово, завязался разговор. К нам постепенно подошли остальные ребята. Расспросив нас с Генкой, когда мы переехали, где живем и прочие мелочи, нас позвали пойти прогуляться с ними по соседним дворам, на что я сразу согласился и побежал одеваться домой, а Генка отказался, и в этом, наверно была его ошибка. Он уже с самого начала показал себя не с лучшей стороны, убегая от них, и теперь, отказавшись идти со всеми, окончательно видно разочаровал всех. В дальнейшем он, конечно, ходил со всеми нами иногда гулять, но особо не стремился к этому и остальные относились к нему так же равнодушно.

Я же, как мне потом рассказывали сами ребята, произвел на всех очень неплохое впечатление. Увидев рядом с их намечавшейся жертвой, крепкого парня, в одном спортивном костюме, в 20-градусный мороз, явно не собиравшегося сдаваться без боя, ребята не рискнули сразу обострять отношения. А потом, когда меня признали несколько человек из их компании, вообще прониклись ко мне тут же дружескими чувствами, ведь лишняя пара крепких кулаков, ни какой компании, никогда не помешает.

В общем, я сбегал домой, оделся и мы пошли обходить «наши» новые владения, которые ребята уже считали своими. Нашей территорией был определен участок, ограниченный парком за будущей улицей Раумской с одной стороны, улицей Веры Слуцкой и Бульваром Трудящихся с двух других сторон. Четвертая граница нашей территории упиралась в протоку реки Ижоры, отделяющей наш район от острова с аттракционами и лодочной станцией под названием «Чухонка».

С того вечера знакомств, мы каждый вечер собирались всей компанией в одном из подъездов «коробки», – двор дома 24, по бульвару Трудящихся и шли проверять границы своей территории.

6

Наша компания с каждым днем становилась все больше и больше, – заселялись новые дома, каждый вечер происходили новые знакомства. Кого-то били, с кем-то знакомились, и новые друзья тут же вливались в наши ряды.

Обходя наши владения, «своих» пацанов мы не трогали. Если на наш традиционный вопрос при встрече: «Ты откуда?», назывались дома на «нашей» территории, мы знакомились и дружно расставались, но если попадался кто-то, по глупости признававшийся, что он с другой улицы, разговор был коротким. Тут же находился кто-нибудь особо смелый (чего бояться, когда за спиной 20 человек стоит!), кто начинал драку и частенько сам ее и заканчивал, так как «потерпевший» сопротивляться не осмеливался, зная, что если он начнет выступать, его тут же забьют все остальные и возможно ногами. Вот такие у нас тогда были порядки.

Впрочем, ребят, живших на «нашей» территории, другие компании в чужих дворах, встречали точно так же, как и мы их. Порой вспыхивали целые междворовые войны. Например, кого-то из наших ребят избили где-то в чужом дворе, он тут же сообщал нам. Мы, уже на следующий день собирали всю нашу гвардию и шли во двор напавшей стороны разбираться,

прихватив с собой, кто что мог: были и велосипедные цепи и самодельные дубинки с кастетами, или просто куски арматуры и палки. А вот ножей тогда никто не таскал с собой, насколько помню. Была статья в УК, за ношение холодного оружия и очень легко за любой ножечек, можно было загреметь на пару лет в колонию.

И вот мы заходим в чужой двор и начинаем бить всех подряд, без разбора и не глядя на возраст. Просто кто попадался на пути. Бывало и мужиков подвыпивших лупили. Нет, конечно, мы спрашивали пацанов встретившихся на пути, в этом ли дворе он живет, и если кто-то из них был так прост, что отвечал утвердительно, разговор был коротким. А через несколько дней, уже по нашим дворам катилась ответная волна избиений. Вот так началась моя новая городская жизнь.

7

В эти же дни, благодаря стараниям моего нового друга Андрея Годунова, по прозвищу «Сэм», у меня появилась подружка, можно сказать случайная. Дело в том, что Андрей в те дни встречался с девчонкой Галей, по прозвищу «Гэгеша», из дома №25, по бульвару Трудящихся, а у нее была подружка, жившая там же, в ее парадной на девятом этаже. Звали ее Лариса и они с Галей постоянно вместе гуляли. Вот Андрей мне как-то и предложил погулять с этой девчонкой, за компанию.

Скажу честно, Лариса была не красавица, но раз уж друг попросил... Стали в общем, мы вместе гулять, ходить в кино, хотя мне с самого начала эта затея не нравилась. Вскоре моя мама, увидев Ларису как-то у меня в гостях, начала надо мной в дальнейшем подшучивать: «Ну, где же твой крокодилчик?». Короче, мы вскоре расстались, но до этого, мы успели еще съездить в Петро-Славянку, в наш осиротевший дом отдохнуть. Вот как это было.

Сэм, узнав, что у меня есть дом в Славянке, тут же предложил съездить отдохнуть туда на выходные. Мне эта идея тоже понравилась, тем более, что я хотел посмотреть, как там дела, все ли цело еще в доме? Возможно и забрать еще что-то в новую квартиру. У Андрюхи же были свои планы. Они с Галей уже потраховались при любом удобном случае, а тут такие возможности открываются, — целая ночь, куча комнат, где можно уединиться и делай, что хочешь! В общем, затарились мы вином, взяли с собой Галю, ее подружку Ларису, еще нескольких друзей со двора, для компании, взяли гитары, и поехали отдыхать. Я еще взял с собой переносной проигрыватель с пластинками. Маме я сказал, что поеду в Славянку один, вроде как посмотреть, что еще оттуда забрать можно, и переночую там.

Не успели мы приехать в Славянку и дойти до моего дома, как нас увидел мой бывший одноклассник, сосед и друг детства Димка Шустов, проезжавший мимо на мотоцикле (ему отец мотоцикл «Минск» купил еще в 6 классе, а теперь он уже на «Яве» раскатывал!). Он расспросил меня, как живется в Колпино и сказал, что тоже заглянет вечером к нам в гости с другом.

Мы подошли к нашему дому, я открыл замок, все зашли и мы дружно стали готовиться к вечеринке. Все носились по комнатам выискивая что-нибудь полезное. Притащили в большую комнату старый стол, какие-то стулья, скамейки. Девчонки выкладывали на стол нехитрую закуску в виде бутербродов, выставляли бутылки портвейна. Облазив весь дом, ночевать все решили в двух комнатках на втором этаже. Там были печки, кровати и даже остались кое-какие тряпки: старые одеяла, покрывала, подушки.

К началу пьянки и Димка с другом притопали, организовав еще пару бутылок самогона и закуски, и началось веселье: танцы, шмансы, зажимансы...

Потом, немного подвыпив, мы все пошли гулять по Славянке с песнями под гитару, а Сэм остался с Галей в доме, типа «поговорить»... и заодно за печками следить, чтобы к нашему

приходу в комнатах тепло было. Вернулись мы часа в три ночи, немного еще попили, попели и ближе к утру завалились спать, кто где.

Проснулись мы уже ближе к полудню и веселье продолжилось. Все говорили, что надо сюда приезжать почаще, так всем понравилось у меня «на даче». Мы тут же решили в ближайшее время еще раз сюда приехать, а чтобы все было в лучшем виде, тут же решили сделать генеральную уборку. Для будущих гуляний решили использовать те же две комнатки на втором этаже, где мы и ночевали, так как они быстро нагревались, когда печки топили. Сэм, облавив весь дом, нашел где-то банку с коричневой краской и кисти. Тогда мы заодно решили и ремонтом заняться и, перетащив все из одной комнаты в другую, стали красить в одной из комнат пол, продолжая по ходу дела употреблять оставшееся вино. Закончив «ремонт», уже ближе к вечеру, мы наконец стали собираться домой в Колпино с чувством выполненного долга и большими надеждами на следующие приезды.

После этой поездки, я еще некоторое время пытался встречаться с Ларисой. В основном, мы гуляли на улице, пару раз у меня посидели, но вскоре моя мама открыто мне сказала: «Ты что, совсем с ума сошел, — не можешь себе нормальную девчонку найти». Я решил, что пора разбегаться. Впрочем, Лариса с самого начала знала, что я с ней встречаюсь за компанию, так что мы мирно расстались, тем более, что между нами ничего и не было.

8

Не знаю как сейчас, среди ребят, но тогда у всех нас были прозвища. Наверно придумывать всем окружающим прозвища, свойственно всем малолеткам. Были у нас в компании: Игорь- «Аптекарь», прозванный так потому, что любил делать всякие взрывпакеты и прочие горючие или взрывающиеся вещицы, был Игорь Смирнов «Тихий», Сергей «Чуф», Андрей «Кактус», Леха «Джон», Витя «Балбес» и его младший брат Леша «Шакал», был Андрей Вихров «Фидель», у которого я, кстати, через пару лет увел девчонку Ольгу Пантюхову, ставшую в дальнейшем моей женой, но об этом я позже расскажу. Были еще Андрей Годунов «Сэм», ставший на долгие годы моим лучшим другом и Михненко Вова по прозвищу «Махно», живший в нашем доме. Он, кстати, с нулевых годов стал довольно известной личностью в Колпино... в своих кругах. И еще много-много ребят, которых сейчас мне уже и не вспомнить ни по прозвищам, ни по именам. На момент нашего знакомства в нашей компании было уже человек пятнадцать и в дальнейшем, с каждым днем становилось все больше и больше. Разве всех вспомнишь спустя несколько десятилетий.

Меня поначалу стали тоже звать «Шуруп», но как-то это прозвище не прижилось и в дальнейшем меня все звали просто Шура, хотя наверно за глаза называли «Круглым» из-за фамилии, но в глаза так меня никто никогда не называл, — опасно для здоровья!

В эти зимние дни к нам присоединились и несколько девчонок. Одной из первых, с кем я познакомился, стала Света Шатилова. До переезда в «коробку», она жила на улице Павловской, где ее семья жила в коммунальной квартире. Училась она до переезда в 478 школе, а после переезда в середине 1978 года перевелась в школу №446. Вслед за ней я познакомился с ее подругами, Светой Перельман и Алеськой Булычевой, правда жила Алеська в доме №19, по улице Веры Слуцкой, но тусовалась с нами. Моя будущая жена Ольга Пантюхова присоединилась к нам несколько позже.

Я с первых же дней знакомства, начал настойчиво выказывать Свете Шатиловой свое расположение и, думал, что весьма успешно. Во всяком случае, отношения были очень теплыми, она частенько сидела у меня на коленях, когда на скамейках места для всех не хватало.

И вот, как то, уже ближе к весне, у меня уж очень сильно вспыхнули любовные чувства, и я решился Свете предложить встречаться. Мы с Генкой Фалевым, вечером пошли в «коробку». Света жила в доме №22, по бульвару Трудящихся. Но зайти к ней, я не решился

и с «любовной» запиской, где предложил ей встречаться, послал Генку. Он зашел к ней, передал записку, и сказав ей, что ждет ответ на улице, вышел ко мне. Я же, ждал ответ любимой, спрятавшись под козырьком парадной. Вскоре Света выглянула в окно и на вопрос Генки, что передать Сане, ответила: «Х.З.».

Я потом долго соображал, что бы это значило, так как, приехав из поселка, такими сокращениями, никогда не пользовался. Лишь через пару дней, до меня наконец дошло, что это значит! Но несмотря на этот отказ, наши дружеские отношения в дальнейшем не испортились, и мы продолжали дружить еще много лет, правда с перерывом на пару лет, так как вскоре Света Шатилова попала в спецучилище за драку, но мы с ней и в эти годы продолжали переписываться и когда она вернулась, тоже продолжали общаться. А совсем недавно, вновь найдя Свету Шатилову по интернету, в соц. сети «ВКонтакте», я вдруг узнал от нее, что все те годы, что я надеялся Светку закадрить, она уже тайно встречалась с Вовой Михненко. Ни кто из нас во дворе, об этом даже не догадывался! В дальнейшем Света вышла за него замуж. Вот такие пироги!

Уже в наши дни, в разговорах по телефону с обоими Светами (Свету Перельман я тоже нашел «ВКонтакте»), они как раз и напомнили мне, что в те дни Андрей Годунов встречался с девчонкой Галей, по прозвищу «Гагеша», а остальное уже само в памяти всплыло. Вот так, достаточно какого-то толчка из вне и вспоминаются вдруг целые жизненные моменты, о которых и думать забыл!

Ольга Пантюхова в то время уже начала встречаться с Андреем Вихровым «Фиделем». Он ее чуть позже и познакомил со всей нашей дворовой компанией. Наверняка были среди нас и другие девчонки, но вот не вспомнить больше никого.

Андрей Годунов «Сэм», оказался среди дворовых ребят в самую первую мою встречу с ними. Вообще-то он жил с матерью и отчимом у Колпинского железнодорожного вокзала, в полукруглом доме, выходящим окнами на площадь с памятником В. И. Ленину, а в «коробке» жила его тетка, у которой он иногда жил по несколько недель. Учился он в Колпинском интернате (на улице Володарского). Сейчас там школа №27 и детский дом напротив, в здании которого, тогда жили интернатские ребята. «Сэм» уже тогда довольно хорошо играл на гитаре и неплохо пел дворовые песенки, и так как я тоже учился играть на гитаре, мы как-то сразу сблизились. В дальнейшем, он стал заходить ко мне в гости, мы учились играть в две гитары. Мы с Сэмом стали вдвоем везде ходить с гитарами и уже тогда начали подумывать о своем ВИА (Вокально-инструментальном ансамбле), так как это было очень модно в те годы. Да и вообще, уметь играть на гитаре, тогда было очень престижно, ведь тогда среди нас не было ребят, имеющих свои переносные магнитофоны, а музыки хотелось. И показать свои таланты перед девчонками тоже хотелось. Кассетные магнитофоны в те годы только-только начали появляться в продаже, денег на них не у кого из нас не было, и лишь гитара вносила какое-то разнообразие в наши посиделки.

Андрей «Фидель» Вихров, частенько тусовавшийся с нами, тоже играл на гитаре и неплохо пел, но он был на несколько лет постарше нас и мы с ним встречались от случая к случаю. Хотя ко мне домой он с Ольгой Пантюховой тоже заходил неоднократно.

9

За оставшиеся два зимних месяца, я перезнакомился со всеми дворовыми ребятами и приняв участие в нескольких «дворовых войнах», стал уже окончательно своим в нашей компании. Частенько, мы с Сэмом устраивали концерты в парадных (на улице же холодно, – руки мерзнут!), девчонки, которые с нами тусовались, тоже частенько пели под наш аккомпанемент.

Вообще-то, наша многочисленная гоп-компания очень раздражала жильцов всех ближайших домов. Представьте только: вечер, уставшие люди пришли с работы и хотят отдохнуть,

и тут слышат, как в их парадную, вваливается толпа подростков, порой человек двадцать и, рассевшись по лестнице и под лестницей, на батареях и ступеньках, начинает орать песни, порой довольно неприличного содержания, рассказывать анекдоты, курить и ржать во все горло. Частенько, доходило и до стычек с каким-нибудь мужиком, выскакивающим из квартиры и пытающимся нас пристыдить. Но против такой кодлы не попрешь и все всегда ограничивалось взаимными оскорблениями и нашим переселением в следующую парадную.

Но больше всего нам с Сэмом нравилось играть на гитарах, в здании насосной станции, стоящей и сейчас в нашем дворе, как раз напротив моей бывшей, четвертой парадной. Насосную станцию тогда только построили, двери там не запирались, и мы давали внутри целые концерты, так как акустика там была классная. Кроме того мы бывало, открывали вентили с горячей водой (там по всему помещению трубы проходили), все помещение заполнялось паром, и мы как в дыму на концерте играли на верхней площадке, огороженной металлическими перилами. Туда, наверх, вела металлическая лестница.

Пока мы с «Сэмом», а бывало и с «Фиделем», наслаждались собственной игрой на гитарах, наши друзья-товарищи бегали внизу по трубам, играя в «дыму» в пятнашки и еще во что-то.

10

После зимних каникул, я пошел в новую школу. В наш новый класс, как я уже говорил, кроме меня и моего друга Генки Фалева, попала и еще одна наша одноклассница по Петро-Славянской школе, Лена Кочкина, но жила она теперь у самой реки, в другом дворе. С нашей дворовой тусовкой она тогда не гуляла, но довольно скоро стала очень частым гостем у меня дома. В дальнейшем, мы с ней стали очень хорошими друзьями и периодически общались практически до самого моего бегства из Колпино, в 1994 году. Ну а на тот период, встречались мы с Леной только в школе.

В школу, мы с Генкой ездили либо на автобусе, либо зимой ходили пешком по льду, через реку Ижору, мимо «Чухонки».

С первых же дней учебы в новом классе, я стал присматриваться к девчонкам, так как в подрастающем организме во всю уже бурлили гормоны! После двух месяцев романтических отношений с Мариной Семеновой в пионерском лагере «Ладоец», летом 1978 года (читайте в моей первой книге), мне вновь хотелось любить! Причем любить красиво. Так как росли мы в те годы, в основном на индийских фильмах (других просто не показывали!), то и любить хотелось романтично, как в кино, с песнями, танцами, гуляньями по ночам, драками, защищая своих любимых.

В моем новом классе было довольно много симпатичных девчонок, но мой выбор в итоге пал на Ольгу Джураеву. Она жила за «старым универсамом» на Заводском проспекте, в доме №32. В эти же дни, Лена Кочкина стала встречаться с парнем из нашего нового класса Саней Ильиным, который стал вскоре и моим другом. Он тоже учился играть на гитаре, так что нам было о чем поговорить и чем заняться. Ольга Джураева и Лена Кочкина тоже подружились. Я написал Ольге записку с предложением встречаться и она согласилась. В итоге, так все закрутилось, что в школе образовалась наша неразлучная четверка, просуществовавшая, с небольшими перерывами, до окончания школы.

Вскоре, мы уже везде ходили только вместе: гулять после школы, в кино, ко мне в гости вечерами, на пляж. У меня мы сидели особенно часто: тепло, темно, музыка, — что еще для счастья малолеткам надо! Правда тогда у меня был только проигрыватель грампластинок, (магнитофон мне купили лишь летом этого года), но зато уже было что-то типа светомузыки, сделанной из елочных гирлянд, мигающих от стартеров из ламп дневного освещения и автомобильных фар с вставленными цветными светофильтрами. К тому же, немаловажным был факт,

что моя мама никогда не заходила без стука в комнату, где мы «отдыхали»! Это было для нас самым важным! Можно было спокойно обниматься, целоваться. Вообще, в мои личные дела моя мама никогда не лезла, не навязывала свое мнение, за что я ей всегда был очень благодарен!

В общем, у меня дома были все условия для романтических встреч 14-летних подростков и мы этим пользовались, как могли. Начались медленные танцы, обнимания в темноте, неумелые поцелуи... Началась юношеская пора, когда мы, пацаны, начали уже всерьез, сходить с ума от всего, что связано с женским полом. Мы с упоением рассматривали черно-белые порнографические фотки, переснятые с зарубежных журналов, иногда появляющиеся у наших продвинутых в этом отношении одноклассников. Мы уже хотели большего, чем простые поцелуи и танцы-зажиманцы в темноте...

11

Как то ближе к весне, я впервые напился в хлам. Мы с несколькими ребятами из нашей тусовки, как всегда сидели в одной из парадных в ожидании всех остальных. Вдруг к нам подошла какая-то женщина. Сказав, что их семья только что переехала, она попросила помочь ей занести кое что из мебели с подъехавшей машины, в квартиру на пятом этаже, пообещав нам две бутылки чачи. Правда, тогда мы не знали, что это такое. Вроде как самогон.

Нас было четверо, и мы управились где-то за час. Получив обещанное, да еще и закуски в придачу, мы пошли опять же в нашу насосную станцию, где, кроме большого зала, было несколько служебных помещений, где мы частенько тусовались. Конечно, там было холодно, но зато стоял стол и несколько лавок, оставшихся после строителей. Были там и стаканы дежурные, так как, некоторые из нашей компании уже во всю, употребляли вино. Тогда, кстати, продавалось действительно вино, а не как сейчас: спирт, вода и вкусовые добавки. Мы пили в основном портвейн и сортов портвейна продавалось множество. Стоила бутылка портвейна 0,7л. от двух до трех рублей. Водку мы тогда не пили принципиально.

Накрыли мы стол газеткой, поставили бутылки, стаканы, разложили припасы и начали вечер отдыха. Пили сразу по пол стакана. Надо же было показать друг другу свою удалую молодечку. Ну, кто же знал, что эта чача окажется, чуть ли не шестидесятиградусной. Не пожалела нам добрая женщина угощения.

Посидели мы, выпили по первому разу, я сбегал за гитарой домой, – куда ж без нее родимой. Потом помню, петь песни начали, еще пили, а потом, уже смутно помню, как дошел кое-как до своей парадной, поднялся на четвертый этаж по лестнице, держась до за перила, то за стенку, которая так и норовила меня оттолкнуть. Наконец открыл дверь ключом, прошел в свою комнату, благо все уже спали, и упал на тахту. Следующее вспоминающееся ощущение, – моя комната вращается все быстрее и быстрее вокруг меня, или я вокруг нее... При чем тогда мне это ощущение очень даже понравилось. Это уже позже, если случалось такое же состояние, приходилось, срочно бежать до туалета, выплескивая все содержимое желудка в унитаз. А повторялись в дальнейшем, такие посиделки все чаще.

12

С самого моего переезда в Колпино, я начал делать из своей комнаты что-то типа нынешних дискотек, хотя тогда этого слова в обиходе еще не было. Я сам делал звуковые колонки (динамики разной мощности продавались в магазинах радиотоваров), повесил по углам фары от машин, с вставленными в них светофильтрами. За цветными светофильтрами, приходилось специально ездить в Ленинград, на Невский проспект, в театральный магазин «Маска». Они только там и продавались. У меня была куча журналов «Радио» со схемами различных светомузыкальных устройств, но вот в схемах я не соображал. Зайдя как-то в ДПШ, я увидел объ-

явление о наборе всех желающих в радиокружок. Конечно я сразу записался. Знания, полученные там, мне в дальнейшие годы здоровогодились.

Повесил я в комнате и шарик зеркальный, который сделал из небольшого пластмассового мячика, обклеив его кусочками зеркал, увидев такой же в одной из телепередач «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады». Вместо прожектора, я на него направил луч от старого диаскопоскопа (это такая штука была для просмотра диафильмов и слайдов). Правда, крутился мой шарик на обычной резинке, вместо моторчика, но все равно, когда в темноте по стенам начинали летать «снежинки», смотрелось это очень неплохо. В СССР, в те годы не продавалось никакого светотехнического оборудования. Да оно просто еще не изобретено было! Мы не только слухом не слыхивали о всяких лазерных установках и прочих крутяще-светящих прибабасах, которые сейчас используются на дискотеках и в ночных клубах, мы даже представить себе тогда не могли такую технику! Все приходилось придумывать и делать самим.

В общем, я попытался создать в своей комнате все условия для дальнейших, наших с Саней Ильиным, свиданий с девчонками и мне это вполне удалось. Однажды, мы с ним даже дым-машину сделали на какой-то праздник. Выпросили у продавщицы мороженого большой кусок сухого льда, дома, когда начались медленные танцы с нашими девчонками, бросили его в ведро с водой, и вот вам полное погружение в романтическую атмосферу: дым стелиться по всей комнате, все вокруг мигает разноцветными огнями, по стенам летают снежинки от зеркального шарика...

Однажды, уже в середине весны, я нашел стерео открытку (продавали уже тогда такие пластмассовые открытки с объемным изображением), где были изображены тигрица и два тигренок выходящие из джунглей. Я тут же решил нарисовать такую картину во всю стену. О фотообоях мы тогда то же еще не слышали, а вот фантазия у меня всегда работала на все сто, так что я тут же принялся за осуществление своей идеи.

Я уговорил маму помочь мне, в этом моем новом проекте, ведь не зря же она окончила художественную школу, и мы вместе с энтузиазмом взялись за дело.

Я поклеил всю стену от пола до потолка белой бумагой, увеличил по клеткам картинку с открытки, во всю стену, мама кое-что исправила, и мы по очереди, в свободное время стали нашу картину раскрашивать гуашью и кое-где акварельными красками, для более плавных цветовых переходов. Рисовали мы все несколько месяцев. В завершении, я покрыл картину лаком, и шедевр был готов. Кстати картина очень всем нравилась, кто у меня бывал – ни кто в те времена до такого не мог додуматься, или не было, просто возможности такое сделать! Не многие родители согласились бы на такой вандализм, – устраивать из новой квартиры черт знает что! А вот мне мама разрешала все что угодно делать в большой комнате, за что я ей очень благодарен. Кстати вскоре после переезда, моя мама отдала в полное мое распоряжение эту комнату, а сама стала жить со своей мамой, – моей бабушкой в маленькой! На такое думаю, тоже не каждый родитель пойдет!

Я до сих пор считаю, что нельзя ограничивать ребенка в его фантазиях, только тогда у вас вырастут действительно талантливые дети!

13

После школы, я все также продолжал гулять с дворовыми друзьями, или шел заниматься в радиокружок, когда не был занят своими любовными делами. Если мы не торчали по парадным, то вся наша компания, собиралась чаще всего возле яслей-сада на ул. Раумской.

К тому времени, рядом, через дорогу от яслей-садика, уже начиналось строительство школы №404. Да и фундаменты домов по Раумской уже начали закладывать.

Зимой, рядом с яслями-садиком, на дорожке, ведущей на ул. Пролетарскую через парк, была постоянно раскатана горка-ледянка, на которой все мы с удовольствием катались целыми

вечерами. Здесь же, проходили переговоры с соседними улицами и дворами, если были причины. Это была как бы нейтральная зона, территория для переговоров и просто для нашего отдыха. В дальнейшем, весенними и летними вечерами, мы тоже там постоянно зависали, собираясь на скамейках-качелях во дворе яслей-садика, или на берегу ручья за садиком.

Еще, мы по выходным, стали ездить кататься на лыжах к колпинскому городскому кладбищу, за железнодорожную станцию. Горки там были крутые, спускающиеся прямо к реке. Там всегда можно было найти трамплин в зависимости от вашей смелости, — от десятка сантиметров до метрового. Были и горки-ледянки и горки для санок. Сколько мы там лыж переломали! Но отдыхалось там здорово, народа по выходным всегда было много.

Было и еще одно место с горками-ледянками, — возле Ижорского моста, — молодежь сама делала горки из снега, которые спускались прямо с набережной на лед реки. Там мы тоже частенько зависали.

Кроме этих развлечений мы той весной и потом еще несколько лет, в любое время года и особенно летом и осенью, совершали набеги на дачные домики садоводства, которое в те времена находилось сразу за тремя высотками общежитий, находящихся возле СГПТУ-6 (сейчас это Ижорский политехнический профессиональный лицей). Новый район за училищем, начали строить лишь в середине 80-х годов, а в наше время там были еще земельные участки разделенные заборами, с дачными домиками, огородами и фруктовыми деревьями. И речные протоки, не были одеты тогда в бетон, — были просто зеленые берега, с травкой, кустами и деревьями, где мы частенько загорали и купались.

Мы всей толпой лазали в садоводстве по дачам и тащили все, что плохо лежало. А иногда, зимой, если находили какой-нибудь домик с печкой, просто затапливали ее и сидели там с девочками целыми вечерами. Натопим печку, вина возьмем, когда деньги были, гитары притащим и развлекаемся, как можем. Например, в «Бутылочку» играем, или в «Кис-кис-мяу».

14

Как-то, ближе к лету, кто-то из знакомых ребят предложил мне взять щенка, девочку, — помесь боксера и дворняги и я, конечно, взял ее себе, так как с детства любил и держал животных. Назвал я ее «Чара». Теперь прибавилась еще одна забота, выгуливать щенка утром и вечером. Да и дома проблем прибавилось — Чара грызла все подряд, как бобер, начиная от мебели и заканчивая тапками и всякими проводами от усилителей, которых у меня в комнате всегда хватало. Но жить стало веселее. Ну, сгрызла-разгрызла что-то собачка, да и бог с ним.

Честно говоря прибираться в комнате и следить за порядком я терпеть не мог. У меня всегда был художественный беспорядок. Прибирался я в комнате только в преддверии праздников, когда должны были прийти гости. Я всегда считал и считаю, что не в окружающей обстановке дело, не в чистоте и порядке в квартире, а в увлеченности чем-то, в том, что в голове происходит, а не вокруг.

Вечером Чара теперь всегда гуляла с нами, а вот утром вставать раньше времени и выходить прогуляться с ней очень не хотелось, но что не сделаешь ради друга. Сначала шел гулять с собакой, а потом в школу. А в дальнейшем уже ее одну выпускал, — она сама спускалась по лестнице, немного гуляла во дворе, потом возвращалась назад. Через год, она, к сожалению, попала под машину, и мы ее похоронили в парке.

В эти же весенние дни, как я уже упоминал выше, я пошел учиться в радиокружок в ДПШ и вскоре неплохо стал разбираться в схемах, что-то уже сам начал собирать, — в основном усилители. К тому времени я уже купил звукозаписывающую аппаратуру и его надо было куда-то подключить. Делал и светомузыкальные установки. Как раз в то время самодельные светомузыкальные устройства с экранами только входили в моду и в журналах «Радио» частенько публиковали их

различные схемы. Начали продаваться светомузыкальные устройства и в магазинах, но дороговато было для нас.

Кроме этого, наша неразлучная четверка: я с Ольгой Джураевой и Саня Ильин с Леной Кочкиной, записались в нашей школе, в секцию легкой атлетики, которую преподавала наша преподаватель по физкультуре Яковлева Марина Леонидовна. Ее дочка, Лена Яковлева, училась тоже в нашем классе, а жили они в служебной квартире, находящейся прямо в школе и мы частенько у нее сидели в гостях. Через несколько лет, они получили новую квартиру по адресу: Заводской проспект, дом №48.

Теперь мы, через день оставались после занятий в школе и бегали по три километра, готовясь к будущим соревнованиям по кроссу между школами, которые должны были состояться в мае. Помимо всего этого, половину нашего 7-А класса, в которую опять же вошла и наша неразлучная четверка, и половину 7-Б класса стали готовить к областной игре «Зарница», проходившей каждый год в городе Луга, в военном городке. Занималась с нами пионервожатая Надежда Владимировна Савинова. Но мы все звали ее просто Надя. Она работала на Ижорском заводе, и их цех шефствовал над нашим классом. Была тогда в моде такая практика.

Нас учили стрелять из мелкокалиберных винтовок в тире, который находился за баней, что напротив кинотеатра «Пламя», учили собирать-разбирать автоматы Калашникова. Нас собирали после уроков в школьном физкультурном зале, и мы ходили по кругу, распевая строевые песни, выкрикивая речевки, оттачивая повороты всем строем и т. д.

В это же время, дома, мы с Андреем «Сэмом» Годуновым переоснащали наши гитары. Андрей тоже купил к своей гитаре звукосниматель (стоил он 9 рублей), подключили гитары к самодельным усилителям, переделанными мной из старого проигрывателя и лампового приемника, и глушили в свободное время соседей, продолжая мечтать играть в собственном ансамбле.

Совершенно не понимаю сейчас, как у меня тогда на все это хватало времени! Каждый день тянулся как неделя! Сейчас у меня даже возникает предположение, что для детей, время течет как-то по другому. Более медленно.

15

К концу мая подошло время соревнований между колпинскими школами по легкой атлетике: кросс с эстафетными палочками. Каждому из нас надо было пробежать свой кусочек дистанции, – 1 километр, и передать палочку следующему участнику. Начинался кросс где-то в районе моего дома, на улице Веры Слуцкой, потом участники бежали по улице Пролетарской, через большой Ижорский мост, и куда-то дальше по Тверской. Мой участок был от конца Ижорского моста и заканчивался на улице Тверской.

Скажу честно, я «сдох», уже после 500 метров и еле-еле добежал до следующего участника. Сказались наши уклонения от тренировок, так как мы больше прятались по кустам, чем бегали. Больше заниматься легкой атлетикой мне как-то не хотелось, и я ушел из секции, а за мной и Саня Ильин.

В этом же месяце случилось радостное, давно ожидаемое мной событие: мои мама и бабушка поднакопили денег, скинулись и купили мне первый в моей жизни бобинный (катушечный) магнитофон «DAINA» («ELFA-29») Вильнюсского электротехнического завода.

Это было счастье! Мы специально поехали с мамой в Ленинград, в универмаг «Гостинный двор», и я сам выбрал себе магнитофон, соответственно, на ту сумму, которая у нас была. А стоил он 115 рублей. А вообще, все тогда мечтали о советском магнитофоне «Астра», но нам эта техника тогда была не по карману.

Теперь я, каждую субботу стал записывать популярные западные группы по радио. Кстати, для тех, кто не знает, радио тогда было проводное и в каждой квартире были установлены специальные радио-розетки, куда подключались радиоприемники.

Была по радио тогда программа «Ваш магнитофон», где только и можно было услышать и главное записать на магнитофон, популярную западную музыку. Выходила эта радиопрограмма по субботам в 23 часа вечера. К магнитофону специально прилагался шнур для этих целей: с одной стороны вилка, как у всех электроприборов, а с другой круглый штекер для подключения к магнитофону. С помощью этого шнура можно было и с телевизора звук записывать.

Генка Фалев вскоре отвез меня в Петро-Славянку к знакомому его старшего брата Лехи, у которого давно уже был магнитофон «Астра» и куча бобин с записями западных поп и рок-групп. Я тут же переписал у него самые популярные на тот период группы: «Бонни-М», «АББА», «Deer Purple». С последней группы у меня началось знакомство с западным хард-роком, на который я вскоре и переключился полностью. Советских исполнителей, которых нам навязывали по телевидению и радио, мы не слушали принципиально! Подростки, всегда, во все времена выбирали то, что не очень нравилось их родителям! Мы не были исключением. Хотя моей маме эти новые группы, как ни странно понравились. Впрочем группа «АББА» на тот период нравилась абсолютно всем.

Теперь дома у меня с утра до вечера стала греметь западная музыка. Именно греметь, так как я конечно, с первых же дней подключил магнитофон через усилитель и выставил большие, самодельные колонки на лоджию.

Бывало, записывал я кое-что и из советской эстрады. Например, из советских исполнителей в эти годы, бешено набирал популярность певец Юрий Антонов, ну и Алла Пугачева была на пике своей популярности. Начали появляться в народе и подпольные записи советских начинающих рок-групп.

Советские граждане переписывали друг у друга песни Владимира Высоцкого, но меня он тогда не особо интересовал, хотя и у меня была бобина с его песнями и анекдотами, которые он сам рассказывал. У нас в классе учился Дима Соломатин, а его брат был фанатом Высоцкого, — вот у него я и переписал кое что.

В школе, у знакомых, которые занимались фотографией, я купил несколько черно-белых плакатов рок-групп, со страшными рожами: «IRON MAIDEN» и «NAZARETH» и решил заняться копированием их и продажей копий. Склеил несколько листов прозрачной бумаги-кальки, перерисовал на нее плакаты, а потом через переводную бумагу перевел на листы ватмана. Заштриховывал все карандашом, точно так же как на оригинале. Получалось очень неплохо и несколько таких шедевров у меня тут же купили ребята со двора, но... как и всегда, мне это дело быстро надоело и я переключился на другие выдумки. Рисовал я на больших листах ватмана и героев советских мультфильмов, раскрашивал их гуашью, покрывал лаком и дарил друзьям. Спустя много лет, после окончания школы, я как-то зашел в гости к бывшей однокласснице Лене Кочкиной и с удивлением увидел у нее на стене свой большой рисованный плакат из мультяка «Ну погоди!», который я ей подарил еще в школе. Конечно было приятно, что мои работы у кого-то еще сохранились!

16

Перед поездкой на игру «Зарница», мы поехали в поход в Шапки. Наша пионервожатая Надя Савинова, видно хорошо знала формулу, по которой ничто так не спаивает коллектив, как коллективный выезд на природу. Она этот поход и устроила с помощью комсомольской организации Ижорского завода.

Она объяснила нам, что поедем мы в Шапки на Нестеровское озеро, где каждое лето проходят туристические слеты, и вообще там очень красиво.

(Шапки (фин. Nattula) – посёлок в Тосненском районе Ленинградской области. Административный центр Шапкинского сельского поселения. Посёлок получил своё название от Шапкинских высот – больших (высота до 89 м над уровнем моря) песчаных холмов, напоминающих по своей форме шапки. Окрестности очень живописны – сосновые леса, озёра во впадинах – привлекают сюда множество туристов. А. Б.)

На Ижорском заводе, комсомольская организация выдала ей пару палаток, котелки и прочие походные атрибуты и вот, как-то ранним субботним утром мы отправились в путь. Команда для поездки на игру «Зарница», была собрана из наших двух седьмых классов «А» и «Б». В поход поехали те же мальчишки и девчонки, которые были отобраны для участия в «Зарнице».

Ехали мы около двух часов на электричке, до станции Шапки, потом шли пешком и наконец, вышли к озеру. Разбили палатки на берегу, насобирали дров на ночь и стали отдыхать и веселиться.

Мы с Саней Ильиным играли на гитарах, пели, во что-то играли, пили втихаря вино, прихваченное с собой...

Как я уже упоминал, это был первый год, когда я начал выпивать незаметно от предков. Впрочем, на праздники, мне уже разрешали пить немного сухого вина. Разве могли моя мама и бабушка знать, что стоящее на столе в бокалах сухонькое, только отвлекающий маневр. Все основное действие проходило под столом, когда мои предки выходили по своим делам из комнаты. Тут же из потайного местечка появлялась очередная бутылка крепленого портвейна, чаще всего «Агдама», называвшегося еще в просторечии «ТУ-ТУ», по его стоимости: 2 рубля, 2 копейки, «Кавказ», или «Портвейн 777». Впрочем, мы и «Вермутом» с «Яблочным» вином не брезговали, хотя гадость была еще та! В общем, что было в продаже в магазине, то и пили, кроме водки. Стоило моим предкам выйти из комнаты, портвишок, разливался быстренько по целому стакану для мальчиков и по половинке, для девочек, и так же быстренько выпивался по кругу... Впрочем, я несколько отвлекся. Вернемся к походу.

Ночью, все желающие получили возможность поплавать на лодках, так как на озере оказалась небольшая лодочная станция. Этим в первую очередь воспользовалась наша «великолепная четверка». Я поплыл с Ольгой Джураевой, на веслах сидел парень из параллельного 8-го класса Олег Николаев, а Саня Ильин поплыл с Леной Кочкиной. У них тоже был свой гребущий, наш одноклассник Саня Тикин (в 2000-ом году он уехал на ПМЖ в США, сейчас живет в Сан-Франциско). Кстати его мама Любовь Ивановна Тикина, преподавала у нас в школе русский язык и литературу.

Мы плавали несколько часов в ночной тишине. В спокойной воде озера, отражался свет луны. Романтика! Наши гребцы сидели на веслах, а мы полулежали на задних скамейках и обнимались-целовались.

Затем, наплававшись и уступив место другим желающим поплавать, мы вылезли на берег, допили вино и пошли спать... в разные палатки. Мальчики в свою, – девочки в свою. Так требовала наша пионервожатая Надя, во избежание непредвиденных ситуаций. Хотя какие могли быть ситуации в палатках, битком набитых людьми.

Утром мы наварили, как сейчас помню, большой котелок рисовой каши со сгущенкой, и потом ни как не могли ее доесть. Опять мы что-то пели, веселились, а ближе к вечеру стали собираться домой. Наш отдых закончился.

За несколько дней до отъезда на Зарницу, к нам в школу приехал фотограф, фотографировать классы на память, а также и отдельных учеников, кто хотел. И вот тут-то и случилась первая моя ссора с Ольгой Джураевой. Мы сидели с ней за одной партой и я предложил ей сфотографироваться вдвоем на память, а она, видно застенчившись, отказалась.

Тут же ко мне подошли наши одноклассницы и подруги Ира Гусева и Лена Устинова, и предложили мне сфотиться с ними. Ольга тут же сказала, что если я пойду фотографироваться с ними, она обидится, а я назло ей, конечно же согласился, раз она сама не захотела фотографироваться со мной. Тем более, что Ира и Лена мне нравились, – почему бы и не сфотиться с ними на память.

Ольга тогда действительно обиделась, пересела тут же за другую парту и больше со мной не разговаривала. Вскоре мы поехали на «Зарницу», но с Ольгой мы так и продолжали играть в молчанку и вообще старались не встречаться в свободное время.

В Луге нас разместили на территории какой-то военной части в домиках-бочках (полу-круглые летние домики с узким проходом посередине и двухъярусными кроватями по бокам). Каждый день проходили какие-то смотры, соревнования, конкурсы, но мы с Ольгой так и продолжали не замечать друг друга.

Продолжилась наша ссора и эта игра в молчанку и после нашего возвращения с «Зарницы» в Колпино. Вскоре мы все ушли на летние каникулы и я, так все лето с Ольгой и не виделся. Да особо из-за этого и не переживал вроде, – других дел хватало.

18

В начале лета моя бабушка устроилась на временную работу в городской парк ночным сторожем, а потом и мама, рабочим по уборке территории. Летом, на каникулах, я все чаще стал приходить к ним на работу. Теперь в городском парке у меня был «блат», – я мог бесплатно проходить на концерты, периодически устраиваемые там, проходящие на открытой летней сцене.

Как-то я зашел в подсобное помещение на сцене городского парка и впервые увидел огромный профессиональный микшерный пульт. Это сейчас они небольшие, а тот пульт был на ножках, длиной метра два, со всякими ручками, кнопками и ползунками. Я тут же загорелся идеей сделать у себя дома такой же и принялся за дело.

Купил метровую чертежную деревянную доску, сделал из нее наклонный стол, выпилил в ней отверстия под магнитофон и проигрыватель, установил кучу выключателей, каких-то тумблеров, индикаторов, вольтметры и амперметры, найденные в строящихся рядом домах. На стройках тогда вообще можно было много чего интересного найти. Подключил ко всем этим выключателям и тумблерам все, что у меня было в комнате электрического: прожектора из фар, магнитофон с проигрывателем, светомузыку, прожектор на зеркальный шарик и т. д. Еще навдумывал всяких наворотов, типа, сядишь на диван – выключается свет в комнате, и включается музыка и светомузыка.

Теперь моя комната вообще выглядела круто, по моим меркам, да и по мнению друзей тоже. На одной стене, где стоял диван, была нарисована картина с тиграми. Вся другая стена, над тахтой, была завешана большими и маленькими черно-белыми фотографиями и плакатами западных рок-групп. Здесь же я повесил и пустые пачки из под фирменных сигарет, привезенные мной из Славянки. Я много чего оставил в нашем старом доме, но вот пустые пачки из под фирменных сигарет забрал. Взял и пустые алюминиевые банки, из под фирменного пива, оставленные у нас студентами. Ну как было бросить это богатство, ведь в СССР такое не продавалось.

Вскоре у меня в гостях стали бывать, помимо Ольги Джураевой, Сани Ильина и Лены Кочкиной, и другие мои новые знакомые-одноклассники, уже заранее договариваясь справлять некоторые праздники у меня. Что в дальнейшем и стало происходить регулярно.

19

Вообще, в те времена я много за что брался. Что-то получалось, что-то нет, но зато все дни были заняты чем-то интересным. Помню, в начале лета, в городском парке, где работали мои мама и бабушка, мне вдруг приспичило, из спиленного там толстого дерева, выдолбить фигуру деревянного бегемотика, в натуральную величину, – фотку такой фигуры увидел в журнале. Вот и загорелось!

Дело в том, что в пионерском лагере «Ладоец», я немного занимался в кружке резьбы по дереву и дома в Славянке тоже пытался вырезать страшные рожи из дерева. Меня студенты, снимающие у нас комнату заразили, – они тоже всякие страшные рожи вырезали из деревянных половинок чурбаков, которые находили у нас в сарае и вешали на стену. Дома у меня были, кое-какие инструменты: стамески, резцы по дереву, топорик и прочее, и я рьяно взялся за дело. Каждый день приходил в бабушкино дежурство в парк и усердно долбил это дерево. Но, уже выдолбив морду, так же резко охладел к этому занятию и бросил.

У меня, кстати всегда присутствовала такая нехорошая черта в характере: я очень быстро завожусь, придумав сделать что-то, но если у меня не получается довести начатое дело до конца за пару дней, я к нему охлаждаю и уже не хочу им в дальнейшем заниматься.

Теперь у меня, через бабушку появились новые знакомые и в парке на «Чухонке», так как организация паркового хозяйства, обслуживала оба этих парка. Теперь я мог, например, брать лодку или водный велосипед бесплатно и без паспорта, под честное слово и конечно я с друзьями, этим частенько пользовался.

20

Продолжалось лето. Мы ходили купаться и загорать на пляж «Чухонки», или на «детский пляж» к «ДППШ» (Дом пионеров и школьников). Частенько брали лодки или водные велосипеды на прокат, на лодочных станциях.

Вечерами вся наша дворовая компания частенько собиралась на берегу протоки, разделяющей наш новый район и Чухонку. Порой мы сидели там до глубокой ночи. Жгли костер, купались, играли на гитарах, пели песни, рассказывали всякие истории, анекдоты.

В августе я наконец-то купил с рук свою первую электрогитару, правда самодельную, за тридцать рублей (настоящие электрогитары советского производства стоили в магазине от 180 до 250 рублей). От настоящей она не отличалась ничем, кроме веса, – весила она довольно прилично, но для меня это не играло роли. Главное что она смотрелась неплохо, подключалась и довольно хорошо звучала. Вскоре мы с Сэмом съездили в Ленинград и купили ему тоже тембро-блок для акустической гитары (накладка с двумя звукоснимателями и ручками тембра и громкости).

Теперь и Андрюхина гитара неплохо звучала через усилитель.

Мы конструировали новые колонки, делали усилители. Вот с тех дней мои соседи уже начали серьезно нервничать, не зная, что от меня ожидать дальше. Наша «музыка» теперь громыкала каждый вечер все громче и громче. А дальше, когда я купил с рук ударную установку, для них вообще начался кошмар, но об этом расскажу позже.

21

Лето подошло к концу. И в последние летние дни, у меня чуть не начался новый школьный роман. У нашего одноклассника Сергея Киселева был свой самодельный моторный катер и водные лыжи. Как то я попросил Серегу научить меня кататься на водных лыжах. Сейчас уже не помню как, но в тот день с нами: я, Сергей и наш одноклассник и друг Сергея, Андрей Зорин, оказалась и наша одноклассница Ира Гусева, которой я в тайне симпатизировал. И вот я начал учиться ездить на водных лыжах. Сажу на берегу Ижоры, на мостике, на ногах водные лыжи самодельные, в руках веревка от катера с деревянной ручкой. Серега, Андрей и Ира сидят в катере. Мы пробуем первый раз, катер тронулся с места и я погрузившись по пояс, переворачиваюсь. Пробуем второй раз, катер рванул быстрее, я начинаю вновь погружаться, но катер разгоняется, меня выталкивает на поверхность, и вот я уже лечу по водной глади реки Ижоры. Мы мчались почти до самого устья реки, где она уже превратилась в узкую, заросшую камышами протоку. Потом назад.

Мне так было радостно, особенно от того что Ира что-то мне радостно кричала, улыбалась, махала рукой, радуясь моим успехам. Это было так приятно и волнительно. Я уже не вспоминал Ольгу Джуграеву и надеялся на новые отношения.

Начался новый учебный год. Мы перешли в восьмой класс. В первые же учебные дни я написал Ире Гусевой на уроке записку, с предложением встречаться, на что она ответила, как сейчас помню, двумя словами: «Есть надежда!». Но, надеждам так и не суждено было сбыться. Вскоре я вновь помирился с Ольгой Джуграевой, по ее инициативе (она сама подошла и попросила прощения), и мы опять начали с ней встречаться. С Ирой так ничего и не получилось.

Вечерами, после школы, наша четверка вновь шла ко мне, и мы сидели до ночи, слушая в мигающем полумраке музыку, обнимаясь, целуясь, а потом мы с Саней шли провожать девочек по домам.

Пытаюсь сейчас вспомнить, а какую мы слушали музыку в то лето. На ум приходят популярные на тот период зарубежные исполнители: Демис Руссос, дуэт Баккара, Джо Дассен, группы «АББА» и «Бонни-М». Из советских мы слушали довольно часто только что вышедший «двойник» (в одной открывающейся обложке две виниловых пластинки) – рок-опера: «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты». Она пользовалась в те дни огромной популярностью, и наши девочки многие куски из нее наизусть знали. Также у меня на магнитофоне был записан только что вышедший в прокат весь фильм «Дартаньян и три мушкетера» и девочки по несколько раз в неделю слушали его у меня дома (по телевизору фильмы повторялись довольно редко!) и рыдали над песней о Констанции, в исполнении Михаила Боярского.

Слушали мы конечно и Аллу Пугачеву, и некоторые советские ВИА, но лично я постепенно перешел в основном на западную музыку и советскую эстраду почти не слушал.

22

Продолжалась учеба в школе. Саня Ильин уже начал (по его признаниям) трахаться с Леной, и она вскоре даже вроде как сделала аборт от него. Средств предохранения от беременности тогда не было, точнее презервативы продавались в аптеках, но советская молодежь их покупать никогда бы не решилась. Все надеялись на авось!

Я же все не решался с Ольгой сексом заняться, хоть с ее стороны и было полное согласие. Что-то меня останавливало, и быть может это и к лучшему, – сейчас у меня остались о том времени только приятные, чисто романтические воспоминания. Несколько позже, немного поумнев, я уже сам был рад, что у меня с Ольгой не было интима. Понял, что ничего бы у нас с ней все равно не получилось. Слишком мы были разные и разные цели в жизни. На первом месте у меня была музыка, а Ольга пошла учиться дальше, в 9—10 классы.

Как-то мой одноклассник, Саня Тикин принес книгу, где рассказывалось, как сделать самому электрогитару. Были там и чертежи разных гитар и радиосхемы внутренностей. Мы

нашли фанеру, начали делать корпус, я начал уже внутренние схемы паять, но все застопорилось на изготовлении грифа гитары. Ну ни как у нас он не получался. Так доделать хоть одну электрогитару до конца мы и не смогли. Зато с усилителями и колонками я преуспел. Схемы усилителей я уже паял мощностью ватт по 20—30, и когда мы начинали что-то играть, слышно было аж на 1 этаже! Начались жалобы моей маме от соседей и наши отношения с ними стали медленно, но верно ухудшаться.

С дворовыми ребятами я тоже продолжал вечерами встречаться, хоть и реже. Мы бегали по новостройкам, играли на строящихся фундаментах трех будущих четырнадцатиэтажных домов, что сейчас стоят на нашем берегу реки, напротив Чухонки, играли в прятки в уже построенных рядом домах, но пока еще не заселенных. Частенько собирались всей толпой, с девчонками, в какой-нибудь пустующей пока квартире и опять играли в «бутылочку» или «кис-кис-мяу». Других игр, где можно целоваться, мы не знали.

Ну, про то, как играть бутылочку, думаю все знают: все садятся в круг, мальчишки и девчонки через одного, и крутят в середине бутылку. На кого покажут горлышко и дно бутылки, те должны поцеловаться. Игра «Кис-кис-мяу» была несколько сложнее: Выбирался ведущий и один участник, который стоял, отвернувшись от всех играющих. Ведущий показывал на кого-нибудь из толпы пальцем и спрашивал отвернувшегося участника: «Кис-кис?» И тот, должен был сказать либо «мяу», либо «брысь». Если он говорил «брысь», – ведущий показывал на следующего человека и вновь его спрашивал: «кис-кис?». Если, наконец, отвернувшийся говорил «мяу» – ведущий спрашивал его: «какой цвет?» и в зависимости от названного цвета, тот должен был предпринять определенное действие к тому, на кого выпал его выбор. Например: красный цвет, – поцеловать в губы, оранжевый – в щеку, голубой – обнять и поцеловать, и т. д. Все обозначения цветов мы придумывали сами.

23

Частенько, лазая по строящимся домам, мы тащили домой всякое, такое очень нужное мальчишкам строительное оборудование: новые прожектора, рулоны наждачной бумаги, новое сантехническое оборудование и прочее.

В это же время, мальчишки начали делать «воздушки» – ружья, стреляющие пластилином, или строительной замазкой, которой на стройках были целые горы. У кого получалось сделать все правильно, ружье, или точнее обреза, стрелял довольно сильно, далеко и прицельно, – синяки оставались на теле. Даже на голубей ходили охотиться.

Мы с Сэмом продолжали музыкальные занятия, я учил его играть по нотам, а он отлично подбирал песни с магнитофона на слух. Все чаще к нам присоединялась и Ольга Пантюхова, так же игравшая уже неплохо на гитаре (ее Андрюха Вихров «Фидель» учил играть). Иногда она заходила с «Фиделем», иногда одна и тоже старалась от нас не отставать. Кстати и пела она очень неплохо. Правда, в основном песни Аллы Пугачевой, от которой она тогда с ума сходила, – все стены ее комнаты были заклеены фотографиями певицы.

Как-то вечером мы, с Сэмом, решив, что мы уже много чего выучили на гитарах, и пора показать наше творчество народу, вытащили все мои усилители и колонки на лоджию, подключили гитары и устроили концерт! Я играл сольные партии, а Андрей партии ритм-гитары.

Тогда мы считали, что уже много чего умеем, но сейчас описать ту музыку я могу одним словом: Кошмар! Но люди, шедшие внизу, под окнами, поднимали головы, улыбались, что-то кричали и мы с Андрюхой были счастливы.

24

В нашей школе, особо предприимчивые ребята, занимающиеся фотографией, начали продавать фотографии известных западных рок-групп и порно-фотки, которые перефотографировали с западных журналов, которые также начали откуда-то появляться у некоторых наших продвинутых школьников. А может эти журналы и раньше были, но нам раньше, это было не особо интересно. Теперь же, эти порно-фотки еще больше распаляли юношеские фантазии и будоражили нам кровь.

Я продолжал встречаться с Ольгой Джураевой, Саня Ильин с Леной Кочкиной и до нового года в общем больше никаких особо запомнившихся событий не произошло, кроме праздников 7 ноября и моего дня рождения 19 декабря, к которым мы готовились очень основательно и справляли как обычно у меня, в основном с одноклассниками. За месяц до праздников, уже скидывались по 10 рублей (на 10 рублей можно было купить 3—4 бутылки вина) и закупали вина бутылок двадцать и закуски.

На свой день рождения, я пригласил некоторых своих одноклассников, из тех, кто ездил на игру «Зарница» и в поход в Шапки. Должен сказать, что после этих мероприятий наш класс как бы разделился на две группы: те, кто ездил на Зарницу, и те, кто нет. Часть класса, ездившая в поход и на Зарницу, как-то более сдружилась что ли. Но это относилось только к нашему классу, с ребятами из «Б» — класса мы особо не контактировали, хоть и многие из них тоже ездили на Зарницу, а многие учились раньше вместе с нашими одноклассниками, так как классы разделили на «А» и «Б» только год назад.

Потом была подготовка к Новогодним праздникам. Справляли мы его опять же у меня. Вот так этот год и закончился.

1980 год

Немного истории

Олимпиада в Москве! При этих словах вспоминается трансляция по телевизору парада открытия в Лужниках, счастливые лица чемпионов – пловца Владимира Сальникова, гимнастов Нелли Ким, Александра Дитянина, ну и конечно закрытие олимпиады, когда символ олимпиады – огромный надувной медведь, помахав огромной лапой, улетел в небо, возвращаясь в свой сказочный лес, как пелось в финальной песне. Это, действительно, была олимпийская сказка, праздник со слезами на глазах. А какой ласковой, чистой и гостеприимной была в те дни столица! Горожан и гостей Москвы из других советских городов (правда, последних во время Олимпиады было совсем мало) – встречали необычайно обходительные милиционеры в белой форме. Пьяницы и тунядцы на время исчезли – их просто отправили за 101 километр, чтобы не портили вид столицы. Советские магазины, тоже вдруг, как в сказке наполнились самыми разнообразными продуктами, чтобы создать впечатление изобилия.

В июле восьмидесятого в московских и ленинградских магазинах можно было без проблем – честное олимпийское! – купить финский сервелат, баночное – доселе невиданное – пиво, соки, и многие другие импортные продукты. Если же говорить о спортивных результатах, то сборная СССР, даже при отсутствии американцев, немцев из ФРГ, англичан и других участников бойкота, который они объявили в тот год нашим играм, – добилась выдающегося, «вечного» достижения, завоевав 195 медалей, из них 80 золотых!

В Ленинграде в это же время, проводились отборочные игры футболистов в группе, а также один из четверть-финалов. В связи с этим город был украшен олимпийской символикой. Едва ли не впервые над Невским проспектом на растяжках появились плакаты не с партийной идеологией. На общественном транспорте появилась весьма скромная по современным меркам реклама главного события года. Местом проведения игр олимпийского футбольного турнира в Ленинграде, естественно, был выбран один из крупнейших стадионов страны – стадион имени С. М. Кирова. К Олимпиаде его реконструировали, в результате чего его вместимость значительно снизилась, хотя и составила весьма внушительную цифру 72 – 73 тысячи зрителей.

21 июля 1980 года проходила игра Чехословакия – Колумбия. Внешний вид стадиона приятно изменился. На центральной лестнице появились скульптуры спортсменов. Смонтированы новые табло. На верхней площадке стадиона была установлена высокая чаша для Олимпийского огня. Также были установлены и четыре 70-метровые осветительные мачты. Разумеется, стадион был заполнен полностью. Сама же игра проходила при явном преимуществе чешских футболистов. О чем говорит и окончательный счет Чехословакия – Колумбия 3:0. Потом состоялся заключительный матч олимпийского турнира по футболу в нашем городе – четвертьфинал Чехословакия – Куба, который состоялся 27 июля. Кресел в ту пору на стадионе не было (вот беда то для нынешних фанатов – чем кидаться?), а были скамьи из сибирской лиственницы. В перерыве можно было спокойно перекусить бутербродами, попить «Фанту» или «Пепси-колу» – новые для нас тогда напитки. Погода, как и во все дни Олимпиады, была прекрасная – температура порядка 20 – 25 градусов днем, вечером 16 – 18. Стадион был заполнен. Чехи опять выиграли. И опять же со счетом 3:0. После матча состоялось торжественное закрытие футбольного олимпийского турнира в нашем городе.

К сожалению, другие события 1980 года – совсем не веселые. 25 июля 1980 года скончался в Москве театральный и киноактер, бард, которого любила вся страна, Владимир Высоцкий.

Официального сообщения о смерти не было – в это время проходила московская Олимпиада, и власти решили не сообщать о смерти Высоцкого в средствах массовой информации. Но, несмотря на это, в день похорон проститься с любимым артистом пришли около 40 тысяч человек!

Сообщений о смерти Владимира Высоцкого в советских средствах массовой информации было, хотя появилось все же несколько сообщения в газете «Вечерняя Москва» о смерти и дате гражданской панихиды, небольшой некролог в газете «Советская культура» и уже после похорон, статья памяти Высоцкого в «Советской России». И еще над окошком театральной кассы, где служил Высоцкий, было вывешено скромное объявление: «Умер актёр Владимир Высоцкий».

Кстати, ни один человек не сдал назад билет на спектакль с участием Высоцкого – каждый хранит его у себя как реликвию. И все же, не смотря на скудность информации о смерти поэта и актера, у Театра на Таганке, где он служил, собралась огромная толпа, которая находилась там в течение нескольких дней (в день похорон были также заполнены людьми крыши зданий вокруг Таганской площади). Высоцкого хоронила, казалось, вся Москва, стадионы стояли полупустые, хотя официального сообщения о смерти не было.

Жена Владимира Высоцкого, Марина Влади, уже в автобусе, направившемся в сторону Ваганькова, сказала одному из друзей мужа В. И. Туманову: «Вадим, я видела, как хоронили принцев, королей, но ничего подобногоникогда не видела!...»

В этом же году, 22 августа, скончался любимец советской публики тех лет, французский певец Джо Дассен. 5 ноября Джо исполнилось бы 42 года. В Горький препровожден ученый-диссидент Сахаров, которому назначена ссылка в городе на Волге. Андрея Дмитриевича освободят лишь спустя почти семь лет, по личному распоряжению президента Горбачева.

А вот вам еще событие мирового значения, затронувшее и нашу страну. В этот год мир содрогнулся. Но не от войны, или природных катаклизмов, а от обычной игрушки под названием «кубик Рубика». В этом году, головоломку начали поставлять на прилавки магазинов всего мира, в том числе и в Советский Союз.

В СССР кубик Рубика обретает необычайную популярность. В первые месяцы продаж, в магазины за кубиком выстраиваются длинные очереди, а в самих магазинах из-за этого происходят давки. Оригинальная головоломка доступна каждому из-за своей невысокой цены. В Советском Союзе кубик Рубика продают всего по шесть рублей за штуку.

Кубик Рубика глубоко проникает в культуру советских людей. Он становится лучшим подарком на любой праздник. Уже нельзя найти семью, в которой где-то не лежит эта чудо-игрушка. Кубик Рубика собирают практически от самых маленьких детей до пенсионеров. Школьники собирают его втихаря, под партой, а взрослые в общественном транспорте, по дороге на работу. В метро, трамваях, троллейбусах, автобусах, кубик Рубика на несколько лет заменяет привычные газеты и книги в руках. Огромный интерес к игрушке начинает объединять людей в специальные кружки, где придумывают новые способы сложения головоломки.

Ну и немного расскажу о моде. С этого года, цены на французские духи и импортные сапоги, о которых мечтали все советские женщины, выросли. Но мечта не стала доступнее.

«Must have» сегодня – это одежда и марки, которые пытаются навязать читательницам «гламурные журналы» и реклама. Во времена СССР таких журналов не было, но понятие «must have» для советской женщины уже существовало. Чтобы считаться модной и современной, советская женщина должна была иметь: импортные сапоги, зимнее пальто с меховым воротником (экономвариант), или лучшее шубу, еще лучше дубленку, а так же французские духи и импортный бюстгальтер. Остальное в основном шилось дома и в ателье.

Зимние и осенние импортные женские сапоги были объектом фетишизации. Стоили довольно дорого. В магазинах в семидесятые годы от 45 до 70 рублей. В восьмидесятые уже 70—100 рублей. Это целая средняя зарплата или две стипендии. Сапоги надо было «доставать» или выстоять в очереди, если сапоги «выбросили» в продажу. Главный кошмар советской эпохи: много часов стою в очереди, а вдруг мне не достанется.

Если девушке нежного возраста приходилось носить советские, «отечественные» сапоги за 16—20 рублей, без каблучка или на микропорке (на «манной каше»), это становилось настоящей драмой! Надевая тупорылые советские обувные изделия, она чувствовала себя неуклюжей, переставала нравиться сама себе, и тем более сверстникам.

Пара импортных туфель стоила 25—40 рублей. Туфли бывали фирмы «Габор», югославские, или же чешского производства. С обувью в основном выручали «комиссионки», там можно было подобрать пару не слишком ношенной обуви за ту же цену. Однако, не помню, чтобы в комиссионках того периода продавались приличные сапоги; очевидно, они не «доходили» до прилавка.

Сложности с колготками — продолжение темы оформления женских ног. Импортные колготки стоили 3 рубля 50 копеек с небольшими вариациями, это считалось дорого. Советская психология (и ситуация) была такова: у меня есть пара колготок, а будут ли следующие — это большой вопрос. Советскими женищинами разрабатывались хитроумные технологии по постоянной реставрации «эластичных» колготок. Кто-то штопал по-простому, иголкой с ниткой, кто-то «поднимал петли» при помощи специального приспособления.

Удачно купленный рублей за 15 импортный бюстгальтер носился годами. Если у советской женищины было два «кружевных» бюстгальтера — белый и черный, и не слишком старые, то можно сказать, что она была обеспеченной дамой!. Именно из-за национального дефицита бюстгальтеров запоминались советские мужчины за границей, пытающиеся сложить ладонь таким образом, чтобы поточнее воспроизвести продавицам объем груди любимой женищины. Не смешно, между прочим: на лицах мужчин, попавших в Париже или в Дюссельдорфе в отдел нижнего женского белья, в эти ряды дамского счастья, был написан ужас — а в кармане лежала инструкция от жены и от тещи.

В 70-е годы французские духи, «Фиджи» и «Клима», стоили 25 рублей за флакон. В 80-м году духи «Мажи нуар» можно было купить: за 45 рублей небольшой флакон и за 80 рублей флакон побольше. Флакон польских духов, большой, «Пани Вальевска», стоил, кажется, 35 рублей, и частенько подружки покупали их на двоих и разливали пополам. Самые дешевые польские духи, «Быть может», продавались в магазине «Ванда», за 3 рубля 50 копеек. Композиции духов отечественной фабрики «Новая Заря» были в принципе не хуже импортных, ингредиенты хорошие, но дизайн и упаковка традиционно никуда не годились. Отечественные духи стоили от 2-х рублей за дешевые, а самые дорогие, серии «Сардоникс», около 20 рублей.

А вот еще памятное событие, произошедшее в конце этого года, хоть и не в нашей стране, но затронувшее и ее. 8 декабря убили одного из основателей всемирно известной группы «The Beatles», Джона Леннона.

Вот что вспоминает о том дне москвич Борис Валентинович Антонов, 1956 г.р.

«Как только в Москве узнали это трагическое для всех любителей этой группы известие, было решено собраться всем битломанам на Ленинских горах 21 декабря, чтобы почтить память музыканта. 20 декабря в 7 часов вечера в вестибюле института я увидел объявление о сборе всех, кто знает, кто такой Джон Леннон на Ленинских горах. Я сразу решил, что иду.

...Мы с Шурой опаздывали. По дороге гадали: Что там сейчас? Может никого и нет? У меня с собой был приёмник (советский, Гяла, СВ/ДВ). Ну, очень хотелось поймать какую-нибудь передачу о Джоне Ленноне. И вот — поворот на главную аллею. Есть люди! Я едва успевал за припущившим Шурой. На смотровой площадке нашему взору открылась захватыва-

вающая дух картина. Человек двести-триста стояли толпой у известного каждому москвичу гранитного барьера. Человек тридцать стояли прямо на барьере и внимательно смотрели в середину толпы. Двое из них держали большой плакат «Светлая память Джонсу Леннону!» с нарисованным фломастером портретом Джона. У художника, в очках парня, явно студента, на груди плакат «IMAGINE» с четверостишием. Наверное, словами из песни. Всего было с десяток плакатов. У многих были самодельные значки и просто приколотые фотографии Леннона. Невдалеке от основной массы народа стоял милиционер и терпеливо наблюдал за происходящим.

Мы вошли в толпу. Стоящие с краю старались продвинуться к середине, привставали на цыпочки, тянулись через головы впереди стоящих. Шура согласился посадить меня на плечи. Сверху было видно, что происходило в центре толпы. Один парень держал магнитофон, слушавший усилителем. Другой парень, взял микрофон, снял шапку и очень взволнованно, срывающимся голосом произнёс речь, полную скорби и отчаяния. Он говорил о Ленноне как о выдающемся музыканте, борце за социальную справедливость, за права негров, за мир. Закончил он словами: «С Ленноном – навсегда!» Окружавшие оратора люди слушали с огромным вниманием, как бы старались помочь ему, разделить его несчастье. Я был потрясён тем, что видел.

Митингующие энергично аплодировали, микрофон переходил из рук в руки. И снова слышались волнующие, полные печали и скорби слова в адрес Джона, и гневные, полные презрения и ненависти в адрес вероломного убийцы – Марка Чепмена. Временами кто-то затягивал ленноновские песни. Все, кто знал слова пели, не очень стройно, но честно и с отдачей, совершенно не чувствуя стеснения перед незнакомыми людьми. Снова по рукам пошёл микрофон, снова говорились недлинные, но волнующие и трогательные речи. Все они заканчивались лозунгами: «Леннон не умер!», «Навсегда с Ленноном!», «Позор убийце!» и другими. Бурно воспринимались фразы, выкрикнутые на английском языке, которого я, к своему стыду и сожалению, не знаю. Один парень крикнул: «Дайте миру шанс!», и вверх взлетели руки с двумя раздвинутыми пальцами. В толпе царил полное взаимопонимание, незнакомые люди объединились, стали одним целым, которое говорило, пело, кричало, скорбило и негодовало. Я был частицей этого целого, пока Шура не напомнил мне, что я сижу у него на шее. Я стал фотографировать. Вот парень со схваченными лентой волосами и приколотой к ленте фотографией Леннона. Вот группа ребят со значками на груди и портретами Битлов. Они спорят о мотивах убийства. Вот отдельно стоящий юноша в плаще. Под капюшоном опущенные глаза, плотно сжатые губы, на груди – Леннон. Вот несколько парней с пацифистскими значками и внешним видом.

Я забрался на малый лыжный трамплин. Безусловно, толпа выросла. Теперь здесь уже 400—500 человек. Двигая «Зенитом» слева направо, я в три приёма снял панораму с тем, чтобы потом при печати собрать полную картину нашего грандиозного мероприятия.

Слева в стороне по-прежнему в одиночестве стоял капитан милиции. Периодически подъезжали экскурсионные автобусы. Сегодня экскурсоводы не могли порадовать туристов величественной панорамой Москвы с Ленинских гор. Плотный туман и изморось позволяли увидеть только Лужники, да и то в общих чертах.

Я встретил Шуру, про которого с полчаса уже не вспоминал. Мы обменялись впечатлениями и снова вошли в основную массу митингующих. К этому времени основное было уже сказано, митинг подходил к концу и одна за другой звучали битловские песни в исполнении уже не десятков, а сотен человек. Вдруг, заглушая голоса, над площадью раздалось неприятное шипение – кто-то «продувал» микрофон. Продвигаясь вдоль тротуара, к толпе приближался милицейский микроавтобус с «колокольчиком» на крыше. После того, как колокольчик прохрипел требование разойтись, парни из числа организаторов решили поскорее закончить митинг. Один из них громко выразил благодарность тем, кто по призыву объявлений пришёл почтить память выдающегося певца и композитора, режиссёра, актёра и автора двух книг Джона Леннона. Он также предложил сделать традицией каждое второе воскресенье декабря соби-

ратся здесь, несмотря на возможные трудности и препятствия. Последними словами были: «Давайте пройдем в организованной колонне символическим маршем памяти до метро «Университет». Толпа стала вытягиваться в нестройную колонну. Навстречу проехал милицкий автобус. Некоторые засвистели и засмеялись: мол, поздно. Оказалось, не поздно. Свист раздавался уже в конце колонны. Колонна снова превратилась в толпу. Кто-то сказал, что повязали двух-трех организаторов. Толпа стояла в нерешительности. Знали, что уходить нельзя. На требование объясниться и освободить задержанных офицер отвечал, что всё в порядке, никто-ничего, но надо расходиться. Милиция и, по слухам, члены оперотряда МГУ стали выдёргивать самых шумных и уводить к автобусу. Подбежала заплаканная девушка и сказала: «Их всех забрали!». Люди не верили своим глазам. Опыта таких ситуаций ни у кого не было. Один парень попросил майора объяснить происходящее, сославшись на некоторые права и свободы из конституции. Майор снова отговорился, что, мол, «всё нормально, расходитесь». Толпа закипела. Послышались смелые реплики в адрес милиции и особенно в адрес тех в штатском, кто совсем недавно стоял рядом, пел, изображая потрясённых поклонников, а теперь «проводжает» активистов к автобусу. Уже взят парень с магнитофоном, парень с плакатом «IMAGINE», многие другие.

И всё же потасовки никто не хотел. Я ещё немного поснимал и убрал фотик. Очень не хотелось потерять ценную плёнку. Подошёл сержант: «Что, любитель?» «Профессионал!» – ответил я грубо и втёрся в толпу. Народ уже кричал, свистел, отчаянно сопротивлялся. Трое тащили парня, которого не хотела оставлять девушка. Её грубо оттолкнули, она что-то ответила. Теперь и её совсем не по-джентльменски затолкали в автобус. Весь этот хаос не мешал ритмичной работе экскурсий. Одни автобусы с туристами подъезжали к смотровой площадке, другие благополучно отправлялись дальше знакомиться с нашим прекрасным городом.

Толпа снова стала выстраиваться в колонну. Стоявшие в шеренгах, крепко взявшись за руки выходили за пределы милицкого кордона. Когда проходили мимо автобуса с задержанными, я закричал: «Ребята, мы с вами!» Закричали ещё многие. И снова толпа, снова выдёргивают самых активных, но теперь, спасая его, на нём повисают десять человек. Все равно берут. Вот двое в штатском вцепились в парня, который цитировал конституцию. Я не сдержался, бросился к нему и с диким криком: «Не отдадим!» схватил его за руку. Сразу же кто-то схватил и меня. Я зашипел: «Убери руки!» и стал отбиваться, обзывая его Пиночетом, шестёркой, гориллой. Вот уже вцепились в другую руку. Я отбивался ногами, изрыгая проклятья. Интересно, что совсем не было страха, наоборот, рассвирепев и выпучив глаза, уже не думая об освобождении, я просто пытался подольше сопротивляться. Что было, конечно, бессмысленно. Мой большой тулуп придавал мне объём и массу, и мне относительно легко удавалось сбивать моих конвоиров с прямого пути на извилистые дуги и развороты назад от автобуса. Но подбежали ещё двое и стало труднее. Я продолжал брыкаться. Они давали друг другу советы – куда надавить, что заломить, куда стукнуть. И пинками затолкали-таки меня в автобус. Видно было, что им нравится их дело, на лицах азарт. С виду простые парни, в простой одежде, с не очень аккуратными удлинёнными волосами.

В автобусе сидел тот парень, за которого я вступился. Мы подали друг другу руки и познакомились. Это был Володя Фёдоров – авторитет в среде хиппи. Остальное мы наблюдали уже из окон автобуса. Следующей вошла болезненного вида девушка. Она недавно перенесла операцию и сейчас её здорово задела локтем. Она с болью на лице уставилась в окно. Следующим будет вон тот парень, похожий на Леннона. Худое лицо, длинные волосы с пробором посередине, ленноновские очки. Вот очки уже на заснеженном асфальте. Это Женя Борисов, друг Володи.

Вошёл сержант, посмотрев на мой фотоаппарат, спросил: «Что, любитель?» Я ответил: «Нет, профессионал!» Он пообещал засветить плёнку. Народ возмутился: «Не имеете

права!» и даже: «Рискни!». Володя спросил сержанта: «А почему Вы боитесь этих снимков, разве они незаконные?» «А вдруг он их пошлёт в западную прессу». «Так Вы боитесь огласки происходящего? Этим Вы расписываетесь в том, что творите бесправие». Сержант, подумав, сказал: «Зажрались!» и вышел. Мы дружно рассмеялись.

Я вынул кассету из аппарата и отдал одной из девчонок. Вставил чистую плёнку. Обменялись номерами телефонов. Девочек, наверное, не будут обыскивать. Мимо проходил Шура, про которого я в очередной раз забыл. Я открыл окно и передал ему аппарат. Но вскоре и Шура был в автобусе. Только без аппарата. Нас было уже восемь парней и четыре девчонки. Мы знакомились, обменивались телефонами, думали о подобном митинге через год. Кто-то предлагал добиться разрешения властей, предлагалось более чётко всё организовать, поставить пикеты, не давать повода и т. д. Женя заметил, что всё это будет иметь такой же результат. Надо придумывать что-то другое. Но что?

Автобус тронулся. Мы запели: Снова в СССР, Не дайте нам пасть, Революция. Последняя, кажется, была написана по следам студенческих выступлений в США. Круто! То, что нас было много, придавало сил. Мы улыбались и чувствовали себя уверенно. Володя предложил обговорить вопрос о том, как отвечать в милиции. Мы окружили его. Сержант прикрикнул: «Больше трёх не собираться!» Мы продолжили. Он уже злобно крикнул: «Я сказал — не собираться!» Мы разошлись и демонстративно расселись по трое. Порешили на том, что будем говорить то, что видели. Периодически возникали перепалки с милиционерами. Их было семеро. Многие из них не знали, кто такой Леннон. Мы их жалели. Почти все они считали нас зажавшимися интеллигентшиками и не скрывали желания пожесточе усмирить нас. Некоторым, впрочем, явно не нравилась их роль в сегодняшнем спектакле.

Минут через пятнадцать мы подъехали к какому-то отделению милиции. Там уже полно таких, как мы. Поехали дальше, пока не приехали в 60 отделение в районе Кропоткинской. «Выходи по одному!» Автобус поехал назад, на Ленинские горы. В отделении тускло светили запалённые лампочки, было тихо. Только за стеклом дежурного суетились несколько офицеров. Налево — коридор с кабинетами сотрудников, направо — две камеры предварительного заключения с решётчатыми окошками. В каждой сидело по одному человеку. Вид у них был жалкий. Пахло перегаром. Женя предложил после всех процедур пойти к начальнику отделения и потребовать от него вразумительных объяснений — за что и по какому праву мы находимся в этой мерзкой обстановке?

Время тянулось очень медленно. Ребята снова заговорили о митинге, о том, что случившееся очень серьёзно, может даже намного серьёзней, чем мы можем предположить. Это ведь первый конфликт молодёжи с властью такого масштаба. Мы знали, что сейчас в таком же положении, только в других отделениях, находятся другие ребята, которых забрали до или после нас. Прошло два часа после окончания митинга и те, кто уже дома, наверное рассказывают своим друзьям о сенсационном происшествии. И им, может быть, не верят, как потом не верили мне многие мои товарищи.

Я взял у Шуры приёмник в надежде поймать что-нибудь подходящее к обстановке. Тут случилось невероятное — из динамика раздавался голос Джексона. «Начинай сначала!», — объявил ведущий и дал вольный перевод песни: «Пока человек жив, он будет думать о жизни, о близнем, о любви и о счастье». Мгновенье — и я окружён ребятами, которые не сдерживая чувств, благодарили того волшебника, который преподнёс нам этот потрясающий сюрприз. По «Юности» передавали передачу о Ленноне. Теперь Джексон пел как раз те слова, которые были написаны на плакате у парня на смотровой. «Представь, не будет ни рая, ни ада, будет синее небо, мы отыщем к счастью дверь». Потом «Я не хочу быть солдатом», потом ещё и ещё. Как же это оказалось в тему. Все воспрянули духом, подпевали, пританцовывали.

...В кабинете стояли два стола. За одним сидел наш парень и отвечал на вопросы сотрудника. Другой сотрудник, как и первый, в итатском, довольно вежливо пригласил сесть

и рассказать о том, что произошло сегодня, о моей роли и о моём фотоаппарате. Я рассказал всю историю, притворно поплакавшись насчёт того, что мне очень дорога плёнка, отснятая сегодня...»

И еще немного об эстраде. За день до открытия очередного фестиваля в Сопоте, который проходил в Польше с 22 по 25 августа, все мировые агентства разнесли скорбную весть — внезапно умер в возрасте 42 лет, пылуший здоровьем Джо Дассен. Польское радио весь день передавало песни Дассена (как и советское, которое уделило этой смерти максимум внимания, а вот смерть своего соотечественника Владимира Высоцкого месяц назад полностью проигнорировало). «Сопот-80» показали по советскому ТВ лишь 5 и 7 сентября (повтор — 26 и 28 сентября) в связи с ухудшающимися отношениями между Польшей и СССР.

А что же мы слушали осенью этого года? Вот вам список лучших дисков за сентябрь, опубликованный 24 октября в «Московском комсомольце»:

- 1. «Диско Альянс» (ансамбль «Зодиак»).*
- 2. «Гимн Солнцу» (Группа Стаса Намина).*
- 3. «Люксембургский сад» (Джо Дассен).*
- 4. «Музыкальный глобус» («Весёлые ребята»).*
- 5. «Звезда и смерть Хоакина Мурьетты» («Аракс»).*
- 6. «Поёт Лео Сейер».*
- 7. «Кружатся диски» («Здравствуй, песня»).*
- 8. «Фотографии любимых» (Як Йоала).*
- 9. «Лучшие песни» (Джо Дассен).*
- 10. «Если не расстанемся» («Красные маки»).*

И снова обо мне

1

Этот Новый год я встречал 15-летним подростком. И это был первый и последний новый год, который я отмечал со своими новыми одноклассниками. В те годы немногие шли учиться дальше, в 9—10 классы. В основном после восьмого класса все шли либо в техникумы, кто получше учился, а кто похуже, вроде меня, в ПТУ (Профессиональное техническое училище). У меня дома решили отмечать Новый год человек десять из нашего класса. Само собой, пришли Ильин Саня с Леной Кочкиной, Ольга Джураева, Генка Фалев, Ольга Терещенко. Были так же Саня Тикин, Лена Волчкова, Света Косова и еще несколько человек.

С утра 31 декабря все собрались у меня. Девчонки взялись за уборку моей комнаты, где постоянно царил полнейший кавардак и за приготовление всяких закусок к праздничному столу, а нас, парней, отправили по магазинам, не столько за продуктами, сколько, чтобы не путались под ногами. Вообще-то у нас уже почти все необходимое было куплено, но под новый год частенько в магазинах выбрасывали что-нибудь дефицитное, вроде копченой колбасы, сыра колбасного, хорошего шампанского и прочего. В общем-то, в магазинах в те времена было все, но только самое необходимое для выживания: дешевые хлебо-булочные изделия, два-три сорта колбасы, в основном докторская (без жира) и любительская (с жиром), мясо, хотя чаще больше костей было, чем самого мяса. Все самые мясистые куски расходились среди самих продавцов и их знакомых. Из фруктов в магазинах, были в основном только яблоки и апельсины. Достать мандарины к праздничному новогоднему столу уже бывало затруднительно, не говоря уже о чем-то более экзотическом вроде ананасов или хотя бы бананов. Из безалкогольных напитков были лишь несколько сортов лимонада, напиток «Байкал», да соки в трехлитровых банках, в основном томатный, яблочный и березовый, которые никто особо не покупал. С трудом доставали и зеленый горошек в банках, для салата «Оливье», – короля новогоднего стола тех времен, и консервы хорошие, типа «Шпроты в масле». Кстати, забыл сказать про очереди. Хоть основные продукты в магазинах всегда были, но без очередей что-то купить было не возможно. Иногда за колбасой или мясом приходилось выстаивать по часу, а то и больше. Даже за обычной картошкой в овощном отделе, которой тоже частенько не было, приходилось отстаивать по часу! Но, я опять немного отвлекся.

Итак, все парни и я в том числе, взяли сумки и поехали рыскать по магазинам. Вино у нас было куплено уже заранее. Несколько бутылок охлаждались на балконе, остальные были спрятаны по укромным уголкам моей комнаты.

Мы уже частенько выпивали, но наши родители еще об этом не догадывались, так что на стол обычно выставлялась пара-тройка бутылок сухого вина и шампанское, а все остальное, в виде разнообразных портвейнов, употреблялось уже когда взрослые, в данном случае мои мама и бабушка шли спать, оставляя нас одних веселиться, надеясь на нашу сознательность.

2

Помотавшись по магазинам пару часов, где-то к обеду мы вернулись домой. Девчонки к тому времени, уже все самое основное сделали и все поехали по домам, помогать готовиться к празднику своим родителям и приводить себя в порядок. Сам новый год большинство из нас встречали в кругу семьи, и лишь потом разъезжались отмечать к друзьям. До вечера, я в основном, как всегда, смотрел телевизор, играл на гитаре, слушал музыку. Телепрограмм было всего две или три, но под новый год крутили в общем неплохие фильмы и мультфильмы, – было

что посмотреть. Хотя тогда сравнивать нам было не с чем. Иностранные фильмы шли только в кинотеатрах, да и то лишь те, в которых не было и намека на эротику.

Из музыкальных передач по телевизору шли лишь «Утренняя почта» по воскресеньям, «Споемте друзья», где пели в основном патриотические песни, да «Музыкальный почтальон», которая также шла только по выходным. Иногда, в основном по праздникам, советского молодого телезрителя баловали передачей «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады». Были и еще передачи: «Мелодии друзей», «Артлото», «Песня года». Кстати, произведения в передачу «Песня года», отбирало лично руководство Гостелерадио, и декларируемый им же принцип отбора лучших песен по письмам на самом деле не действовал – песни отбирали ни какие получше, а какие благонадежнее. У таких песен и авторы должны быть соответствующие – маститые и обязательно члены Союза композиторов СССР. Например, в течение 1976 года чуть ли не из каждого окна раздавались песни «Кто тебе сказал» и «Ты мне не снишься» в исполнении ВИА «Лейся, песня» и «Синяя птица», но их в «Песню года» даже и не подумали включить. А все потому, что их автор – композитор Вячеслав Добрынин – ни в одном из творческих союзов не состоял. Однако и хиты более именитых авторов тоже не звучали в «Песне года». Взять того же Давида Тухманова (песня «По французской стороне» («Из вагантов»), в том же 1976 году по хитовости обгоняла даже песни Добрынина), или Александра Зацепина («Волшебник-недоучка», «До свидания, лето» – последняя песня даже была отмечена призом на музыкальном фестивале в Америке). Так что, как ни стремилась Алла Пугачёва попасть на «Песню года», в 76-м году ей это сделать так и не удалось. Во всех перечисленных выше передачах, максимум на что можно было рассчитывать советским телезрителям, это на выступление артистов соц. стран, таких как Польша, Чехословакия, Болгария, Венгрия. Несколько раз показали в программе «Международная панорама» кусочки выступлений западных рок-групп «Kiss» и «Deer Purple», но с оговоркой, типа: «Вот как ведут себя на сцене оголделые капиталисты. Это полная безвкусица и советскому человеку такое искусство чуждо в принципе!..»

Но нам такое искусство было как раз самое оно! После этой передачи, мы еще несколько дней обсуждали выступление таких классных групп, а я тут же начал поиски, где бы переписать на магнитофон группу «Кисс». Записи группы «Deer Purple» у меня уже были. Но я опять отвлекся.

Где-то в девять вечера, вновь показали фильм «Ирония судьбы, или с легким паром», который крутили перед каждым новым годом и тем не менее он никогда не надоедал. Около полуночи, я с мамой и бабушкой сел проводить старый год, затем мы слушали, как положено, новогоднее обращение нашего тогдашнего главы ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева к советскому народу и, наконец под бой курантов откупорили шампанское и начиналось «веселье», заключающееся в просмотре новогоднего «Голубого огонька». Стоит заметить, что программа «Голубой огонёк» в годы повального дефицита в СССР всего и вся, – это была возможность широкой аудитории телезрителей лицезреть на своих кумирах последние новинки моды. Многие артисты только этим тогда и занимались: демонстрировали на себе наряды, привезённые откуда-нибудь из-за «бугра». Помню, лично я в те годы мечтал о настоящем фирменном джинсовом костюме, но поскольку мечта относилась к разряду несбыточных – денег на то, чтобы приобрести его у спекулянтов где-нибудь на «толчке» у меня не было, – то я довольствовался малым: любовался точно такими же костюмами, которые украшали фигуры некоторых наших популярных киноартистов и представлял их обновки на себе.

3

К часу ночи, начали съезжаться мои друзья-одноклассники. Одеться старались во все самое лучшее, что находилось в шкафах. С одеждой постоянно были проблемы. Советские текстильные фабрики выпускали серые, непримечательные ничем шмотки, и чтобы выглядеть

более-менее цивилизно, одежду приходилось заказывать либо в ателье, либо частным швеям, которых в те годы тоже было немало. Настоящие джинсы, многие из нас видели лишь на фотографиях западных рок-групп, и купить их в то время для многих было почти несбыточной мечтой. Фарцовщики их, конечно, продавали, но таких денег не у кого из нас не было. Моя бабушка получала пенсию 60 рублей, мама по инвалидности и того меньше, а джинсы стоили больше 100 рублей. Зато, нам было о чем мечтать, а это было наверно интереснее, чем когда все можно спокойно купить, как в теперешние дни.

Были почти несбыточные цели в жизни! Купить хоть когда-нибудь в будущем джинсовый костюм за 500 рублей, огромный иностранный кассетный магнитофон, с двумя динамиками по бокам. Такие мы видели только в комиссионном магазине «Апраксин двор» в Ленинграде, заезжая туда, как в музей западной радиотехники. Но стоила там аппаратура по две-три тысячи рублей! Сумасшедшие деньги для нас. Хотелось купить и новую электрогитару, хотя бы советскую, типа «Урал», или «Тоника», не говоря уже о фирменных, стоивших тоже по несколько тысяч рублей. Ну вот, снова я отвлекся.

Итак, когда все друзья-подруги собрались у меня, часам к двум ночи, мы опять смотрели телевизор, понемногу попивая сухое вино со стола и портвейн, втихая, из под стола. Когда мои мама и бабушка пошли наконец-то спать, чтобы не мешать нашему веселью, из укромных уголков были вынуты запасы вина, культурные бокалы мальчишки заменили стаканами, пить портвейн мы предпочитали по пол стакана, что зря время терять, когда вина до хрена! Девчонки, конечно, пили поменьше, но им и их доз хватало.

В три часа ночи по телевизору закончилась демонстрация новогоднего «Огонька». Стоит заметить, что программа «Голубой огонёк» в годы повального дефицита в СССР всего и вся, — это была возможность широкой аудитории телезрителей лицезреть на своих кумирах последние новинки моды. Многие артисты только этим тогда и занимались: демонстрировали на себе наряды, привезённые откуда-нибудь из-за «бугра». Помню, лично я в те годы мечтал о настоящем фирменном джинсовом костюме, — у меня висели фотографии группы «Smoke», где все они были в джинсе, — но поскольку мечта относилась к разряду несбыточных — денег на то, чтобы приобрести его у спекулянтов где-нибудь на «толчке» у меня не было, — то я довольствовался малым: любовался такими же костюмами, которые украшали фигуры некоторых наших популярных киноартистов и представлял их обновки на себе.

После окончания «Огонька», начинались танцы, песни под гитары. Потом мы пошли прогуляться по городу, затем вновь возвратились ко мне и продолжили банкет. Потом смотрели передачу «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады». Наконец, к утру, все гости стали разъезжаться. Мы с Саней Ильиным проводили наших дам и тоже пошли по домам.

На утро, первого января, точнее уже ближе к обеду мы, просыпались, как обычно с головной болью, после выпитого ночью, но что характерно, никогда не опохмелялись. Мучились головной болью, нас рвало в туалете, но на вино, чтобы опохмелиться, мы уже смотреть не могли... до следующего праздника. Вообще, честно говоря, по обычным дням мы тогда пили довольно редко, насколько я помню. Ну, если только у кого-то день рождение был, или какое другое событие. Зато и каждого праздника все ждали с огромной радостью и нетерпением. Готовились заранее.

4

У меня к этому новому году была уже довольно большая коллекция магнитофонных лент с записями популярных западных исполнителей.

Все в комнате сверкало и мигало, так что праздники (которые мы справляли у меня дома), обычно проходили весело. Правда магнитофонные ленты в те времена стоили довольно дорого, до 5 рублей, в зависимости от метража, и приходилось на чем-то постоянно экономить, чтобы

купить чистую новенькую бобину. Зато и процесс покупки был как праздник! Я шел домой с новенькой катушкой, в картонной коробке и уже думал, что же я запишу на нее в этот раз.

В те годы, как я уже говорил, по радио была очень популярная передача «Ваш магнитофон», где часто крутили записи иностранных исполнителей специально, чтобы на магнитофон можно было записать. Кстати, как я уже упоминал, радио тогда было проводное! И конечно записывалось все в моно-звуке. Это сейчас все радиостанции вещают в УКВ-диапазоне, а в те годы на УКВ было всего пару радиостанций, в том числе и единственная радиостанция транслирующая стерео звук! На 4.44 метра. Для нас это было еще в диковинку, да и почти ни у кого не было стерео-приемников и стерео-магнитофонов, чтобы ее нормально слушать, или что-то записать в «стерео».

5

Новогоднее веселье закончилось. Впереди у нас были зимние каникулы. Я целыми днями либо гулял с друзьями по двору, либо, договорившись с Саней Ильиным, мы приглашали куда-нибудь наших девчонок. Вечерами мы с дворовыми ребятами и девчонками болтались по парадным, устраивая гитарные концерты, или играли во что-нибудь в новых, достраивающихся домах. Некоторые новые дома стояли еще незаселенные, половины домов в соседних дворах еще и в помине не было, – стояли только фундаменты, так что, мест для наших развлечений тогда хватало.

В один из дней наших зимних каникул, по договоренности еще в школе, наш класс, под предводительством нашей пионервожатой Нади Савиновой поехал в Шапки кататься на лыжах на «Царь-гору».

От Московского вокзала рано утром шел поезд «Лыжная стрела», на котором в Шапки ехали все любители лыжного отдыха, как из самого Питера, так и с других станций, которые поезд проезжал. Поезд шел до станции Шапки и стоял там весь день, ожидая накатавшихся. Вечером он вез всех обратно.

Приехав в Шапки мы одели лыжи и дружным строем (все пассажиры поезда), ехали от станции, по накатанной лыжне до «Царь-горы», где весь день катались, ломая лыжи на трамплинах. Потом все мокрые и замерзшие, мы возвратились в теплые вагоны электрички, ждали всех остальных пассажиров, попивая горячий чай из термосов и уминая бутерброды, взятые с собой, и наконец, ближе к вечеру, тронулись в обратный путь. «Лыжная стрела» тогда ходила довольно часто, но нам хватало горок и в черте города.

И вновь несколько слов о нашей эстраде этого года.

29 февраля этого года газета «Московский комсомолец» опубликовала «пятнашку» лучших песен января 80-го. Алла Пугачёва впервые за последние восемь месяцев уступила лавры лидера другому исполнителю, – рок-группе «Машина времени». Все это время песня Пугачёвой «Взлети над суетой» прочно удерживала 1-е место, но теперь вынуждена была его уступить ещё более забойному хиту «Поворот». О популярности этой песни, думаю, знает каждый. А в те дни февраля 80-го она и вовсе была культовой – неслась чуть ли не из утюгов. Песню считали полудиссидентской, хотя на самом деле (по словам самих «машинистов») никакой крамолы в неё изначально не закладывалось. Это была обычная песня с автомобильным уклоном про дорожный поворот. Но народная молва упрямо связывала текст песни с политикой: мол, это намёк правительству на то, что пора уже поворачивать застойную жизнь в другое русло. Власти даже запрещали «Машине времени» исполнять «Поворот» на концертах под угрозой отлучения от профессиональной эстрады.

6

Наступила весна. В апреле мы вдруг получили телеграмму от дяди Васи Веселова, – деда моей сестры Наташи, где сообщалось, что умерла его жена Александра Веселова, – родная сестра моей бабушки. Как он потом рассказал, умерла она спокойно, во сне. Василий Матвеевич, проснулся утром, а она уже холодная...

На похороны тут же прилетели из г. Фрунзе моя сестра Наташа со своей мамой Аллой. Мы тоже поехали всей семьей в Питер, помогать готовить все к похоронам. Бабу Шуру было решено сжечь в питерском крематории и похоронить прах там же, на кладбище крематория. Запомнился траурный зал, из скрытых репродукторов играет какая-то печальная музыка, работник крематория произносит речь, от которой невольно наворачиваются слезы на глазах. Потом все родственники прощаются с бабой Шурой. Где-то нажимают кнопку, под гробом раскрываются створки и он опускается куда-то вниз. Одним близким родственником стало меньше.

Этой весной я окончательно понял, что хочу играть в вокально-инструментальном ансамбле (ВИА), как тогда назывались все небольшие музыкальные коллективы, так как я впервые выступил перед публикой.

Мы с Саней Ильиным к тому времени уже неплохо играли на гитарах, и наша пионервожатая Надя, как-то сказала, что надо сделать концерт для рабочих цеха, где она работала, так как мы их подшефные. Наверно надо объяснить по понятнее, что это такое шефы и подшефные, так как сейчас такого наверно нет. Вся эта деятельность шла по линии комсомольских организаций. За каждым цехом Ижорского завода закреплялась определенная школа и определенный класс, которым они должны были помогать, – они назывались шефы. От цеха выделялись комсомольские активисты, наши пионервожатые, а классы, за которыми закреплялись эти пионервожатые, назывались подшефные. С помощью шефов нам организовывали поездки в музеи и прочие культурные мероприятия. А мы в ответ, должны были делать для них концерты: танцы, песни, стихи и прочие номера художественной самодеятельности. Вот нашему классу и дали задание подготовить такой концерт, выучить какие-то песни, танцы и выступить в красном уголке их цеха, перед рабочими.

Мы с Саней и еще двумя девочками Леной Волчковой и Светой Косовой, решили выучить несколько песен: они поют, а мы с Саней им аккомпанируем на гитарах. У меня была уже электрогитара, а у Сани обычная, акустическая, с тембро-блоком. Пионервожатая Надя сказала, что в красном уголке цеха, где нам предстояло выступать, есть усилитель, к которому наши гитары можно подключить, так что все должно было получиться неплохо.

В то время, я еще толком не знал даже, чем отличается бас гитара от соло или ритма, так что я выучил на гитаре сами мелодии песен, а Саня играл аккомпанемент. Ну, отыграли мы в общем нормально. А после концерта, ко мне подошел какой-то молодой парень, слушавший наш концерт, и коротко объяснил мне, что я делал не так. Я играл на своей гитаре мелодию песни, которую и так пели девочки, а надо было играть партию бас-гитары. Он взял одну гитару и попросил сыграть что-нибудь. Я сыграл что-то, а он показал, что такое басовый аккомпанемент.

С того концерта я начал более внимательно вслушиваться в музыку и начал понемногу учиться в голове разделять партии каждого инструмента. Я начал понимать взаимосвязь между различными инструментами и это был первый шаг к пониманию структуры рок-музыки.

7

Этой весной, наш класс принимали в комсомол. Вообще-то, в СССР считалось, что комсомольцами могут стать лишь пионеры, отличившиеся хорошей учебой и поведением, но к тому времени, когда мы доросли до комсомола, как видно, что-то уже изменилось в умах комсомольских вожakov и количество вступивших в комсомол, стало играть главенствующую

роль. Чем больше, тем лучше! Но мы то этого не знали и слегка волновались. Помню, что примерно за неделю до приема, я начал усиленно готовиться к этому событию. Учил устав ВЛКСМ, штудировал вопросы, которые могли мне задать члены приемной комиссии: например, сколько орденов у комсомола, когда и за что они были вручены и т. д.

Конечно, когда мы вступали в ВЛКСМ, это была уже несколько иная организация. Нет, ее основополагающие принципы остались неизменными, однако стало гораздо больше формализма, она обююрократилась. Дух романтики из ВЛКСМ выветрился, а в его верхушке гуляли и вовсе противоположные «ветры» – коммерческие. Романтику победил голый прагматизм. Не случайно, когда через несколько лет грянула горбачевская перестройка, верхушка ВЛКСМ стала во главе всеобщей коммерциализации страны. Комсомол стал не просто массовым, а практически всеобщим (свыше 60% молодежи). Это почти неизбежно вело к организационной размытости, к тому, что членство в ВЛКСМ перестало восприниматься как почет и ответственность одновременно. В последние годы советской власти комсомол окончательно превратился в бюрократическую систему, полностью соответствующую общей бюрократической системе последних лет СССР... Но в тот год, мы еще верили, что комсомол, это сила и быть комсомольцем почетно!

В школе учителя нам говорили, что надо наизусть выучить свод законов комсомольской организации, что нас будут вызывать по одному в кабинет и строго спрашивать историю комсомольской организации и прочую информацию. Мы, конечно, учили, как могли, волновались, но на деле все оказалось до неприличия просто.

Весь наш класс привели в комитет комсомола (здание располагалось где-то во дворах, недалеко от железнодорожного вокзала). Затем вместо того, чтобы вызывать по одному претенденту и обстоятельно беседовать с каждым, нас загоняли в зал по 7—8 человек, выстраивали в ряд, и каждому задавали по одному легонькому вопросу, типа какими орденами награждена комсомольская организация и т. д. Кто-то ответил сам, кому-то подсказали, но в итоге нам всем объявили: «Поздравляем, вы приняты!». Вот так все прошло обыденно и просто. совершенно не запоминающееся событие, если сравнивать с приемом в пионеры. Комсомольским вожакам нужно было только галочку поставить, что мол, еще столько-то человек принято в комсомол.

В дальнейшем, по окончании профтехучилища, я сам себя исключил из комсомола, выкинув комсомольский билет при устройстве на работу. Зачем нужны лишние хлопоты по уплате членских взносов и прочего. Легче было сказать, что ты не комсомолец и вступать пока не готов!

А вот ещё кусочек нашей дворовой жизни этого года. Правда вспомнил о нём не я, а Света Шатилова, когда мы недавно (осень 2015 года), общались с ней по телефону.

Весной, в колпинском ДК «Ижорец», показывали музыкальный фильм «Женщина, которая поёт» с кумиром молодежи тех лет Аллой Пугачевой в главной роли. Я, все ещё надеясь, что у меня что-то со Светой получится, в плане встретаться, пригласил её в кино. Она согласилась, но... взяла с собой подругу Свету Перельман. А ещё они прихватили «бомбу» (так мы называли бутылку 0,8 литра) вина «Лидия» и какой-то бублик на закуску. Я пить не стал почему-то, даже странно как-то, и девчонки её приговорили вдвоем в ближайшем скверике, возле ДК. В итоге в кино я пришёл в сопровождении двух, изрядно подвыпивших подруг, в следствии чего, во время сеанса Свете Шатиловой стало плохо. Она несколько раз бегала в туалет, так как её рвало, но потом, плюнув на все, и всех, она нагнулась прямо в проходе и... Короче тут же прибежала вахтерша, которая в зал пускала народ и выставила нас к черту из зала.

Почему-то я этого события не помню совершенно, а вот Света запомнила – видно ей так плохо тогда стало, что на всю жизнь запомнилось.

К середине весны начались дни усиленной подготовки к сдаче экзаменов. Школьная программа по большинству предметов уже была пройдена, и мы ходили лишь на факультативы по подготовке к экзаменам.

Но, вместо того, чтобы дома усиленно готовиться к экзаменам, я продолжал гулять, ходить купаться на пляж, заниматься игрой на гитаре, гулять с Ольгой Джураевой, хотя она все чаще дома сидела и готовилась к экзаменам, так как училась хорошо. Хотя мы и волновались перед сдачей экзаменов, но все равно были уверенны, что нас в любом случае вытянут на троечки, так как учителям тоже грозили неприятности, если у них кто-то в классе оставался на второй год. Вообще, учили в те времена гораздо лучше, чем теперь, а вот сдавать экзамены было гораздо проще!

С Ольгой Джураевой, у меня уже были тогда довольно непонятные отношения. То ли будем дальше встречаться, то ли нет.

К середине июня, мы сдали экзамены, но, некоторым, и мне в том числе, пришлось пересдавать несколько предметов уже в июле, но в итоге аттестаты об окончании школы получили все.

После экзаменов, для выпускников устроили вечер танцев. Правда не в нашей 454-ой школе, а в 455, находящейся неподалеку, и для нас даже помнится, играл какой-то колпинский самодеятельный ансамбль. Специально для выпускного, мне мама заказала джинсовый костюмчик в ателье. Хорошее ателье пошива одежды было тогда в Саблино, куда я с мамой и поехал. Правда шили мне костюм не из настоящей джинсы, а из какой-то русской ткани «под джинсу». А вот что было на самом выпускном вечере, вообще не помню!

Потом, в двадцатых числах июня, наша пионервожатая Надя, предложила нам, всем классом съездить в Ленинград на праздник «Алые паруса», хотя он тогда и не отмечался, так как сейчас. Точнее вообще не отмечался. Мы просто поехали в Питер и гуляли там по набережным, смотрели, как разводятся мосты и ближе к утру, изрядно замерзнув, пошли на Московский вокзал, где в подземном переходе ждали первую электричку до Колпино.

9

Где-то в начале лета, у Ольги Джураевой был день рождения, и я само собой был приглашен, но, как видно без особого желания. У меня к этому дню, как на зло, не оказалось ни копейки денег ей на подарок. Сначала я думал вообще не идти, но все же, наскреб пару рублей на тортик и пошел.

Это оказался день конца наших взаимоотношений. Мы что-то ели, что-то пили, танцевали, но отношения у нас уже были довольно натянутые, а потом Ольга и вовсе сбежала от всех с парнем из нашего параллельного 8-Б класса и прождав их некоторое время, все начали расходиться по домам и я в том числе. Я понял наконец, что нашим отношениям наступил конец.

Моя бывшая одноклассница и соседка, Ольга Терещенко, узнав, что я расстался с Ольгой, попыталась меня тут же свести с другой девчонкой из нашего, теперь уже бывшего параллельного класса, Валеи Ивановой. Она тоже жила в нашем доме и они с Ольгой вроде как дружили. Но что-то у нас с Валеи сразу не заладилось, и мы пару раз встретившись, и позагорав вместе на Чухонке, разбежались, но... спустя 12 лет, наши пути вновь пересеклись и мы целый год жили вместе. Но об этом я расскажу в свое время.

Где-то в середине июля, я встретил как-то на улице еще одну свою бывшую одноклассницу Лену Никкенен. Мы разговорились о том, о сем, и она попросила меня зайти к ней, типа, починить магнитофон. Я зашел. Уж не помню, починил я его или нет, но мы мило поболтали и я вскоре ушел домой. А на следующий день Лена зашла ко мне, сказав, что принесла записку от своей подруги и передала ее мне.

Там было написано, как сейчас помню, что я ее (подругу, написавшую записку), не знаю, но она очень похожа на Лену Никкенен и внешне и по характеру, и хочет со мной встречаться.

Должен заметить, что Лена была хоть и миленькой девочкой, и в общем то мне нравилась, но была полноватой, а я тогда оценивал девчонок к сожалению, в основном по внешним данным, а не по внутреннему содержанию. Что-то я написал в ответ на эту записку, вроде того, что у меня уже есть девчонка, мол, извини и все такое прочее.

До меня лишь потом дошло, что Лена сама и написала ту записку, желая узнать, мою реакцию...

10

Опять же, где-то в середине лета, мне вдруг втемяшилось в голову, что еще что-то может получиться в отношениях с бывшей одноклассницей Ирой Гусевой. Чем больше я о ней думал, тем больше хотел ее увидеть. Как-то, в кинотеатре «Пламя», показывали какой-то новый фильм. Вроде «Гонщик серебряной мечты», и я, отстояв длинную очередь, купил два билета и решил пригласить Иру пойти со мной.

Зашел к ней, что-то сказал, насчет друга, который не смог пойти со мной. В общем, она согласилась, к моей великой радости. Весь фильм я порывался ее обнять в темноте зала, но так и не решился. Как-то неправильно в первую же встречу лезть обниматься. Но начало, как я думал было положено, но увы...

Еще через несколько дней, я решил пригласить ее съездить со мной в цирк в Ленинград, но тут получил отказ. Она сказала, что цирк вообще не любит. Я ушел ни с чем, но продолжал думать о ней. Наконец я не выдержал и стал каждый вечер гулять возле ее дома, в надежде, что она меня случайно увидит из окна и выйдет.

Спустя несколько дней, мой «гениальный» план сработал. Как-то вечером она действительно увидела в окно, что я вроде как случайно прохожу мимо ее дома и, постучав изнутри по стеклу, махнула мне рукой: «Мол, заходи ко мне». Я, можно сказать, влетел к ней на крыльях любви, полный надежд. Мы посидели, поговорили о том, о сем. Она напоила меня чаем. А потом, как бы случайно, завела разговор о дружбе и любви и вскользь заметила: «Не знаю как другие, но я телом не торгую!», очевидно, решив, что именно этого я и добиваюсь от нее. Увы, Иришка, ты была не права! Ты действительно мне нравилась, но о постели у меня мыслей не было еще на тот период! Я был романтик по натуре и не считал, да и сейчас не считаю секс, главной составляющей встреч мужчины и женщины. Нет, мыслишки шаловливые конечно были, молодость брала свое, но не так вот, с бухты барахты и сразу в постель.

Кстати, в последние дни учебы в школе, мне в любви признались еще две девчонки, одна из нашего класса, – она даже фотку мне подарила на память, – и другая из «Б» класса.

Вот сколько сразу любовных приключений получилось, стоило только закончить школу!

В Москве, в эти месяцы шла спортивная «Олимпиада-80», но насколько помню, я спортивными баталиями не особо интересовался и по телевизору посмотрел лишь закрытие олимпиады и прощание с символом этих олимпийских игр, – мишкой, когда он улетал в небо на воздушных шарах.

11

Вначале августа, я, в срочном порядке стал искать училище, в которое пойду учиться дальше. Купил себе справочник со всеми учебными заведениями Ленинграда, съездил в несколько, в том числе и в училище, где учили на реставратора и краснодеревщика (резьба по дереву), но с моими оценками меня не особо куда-то хотели брать. Выбрал в итоге СГПТУ

№1 в Ленинграде, где учили на радиомонтажников, так как я продолжал заниматься всякой радиотехникой, хоть из радиокружка и ушел с окончанием школы.

Съездил я в это училище находящееся в Татарском переулке, недалеко от станции метро «Горьковская». Поговорил с преподавателями в приемной комиссии и... дал себя уговорить пойти учиться на токаря-универсала вместо радиомонтажника. Они мне запудрили мозги, что профессия радиомонтажник только для девчонок, а мне надо зарабатывать приличные деньги и профессия токарь, — наилучший вариант. Потом, уже учась в этом ПТУ, я все думал: Зачем надо было ехать учиться на токаря в Ленинград, когда можно было выучиться на ту же профессию, в нашем колпинском ПТУ №6, находящемся через дорогу от моего дома, и потом спокойно работать на Ижорском заводе. Но, умная мысль, как всегда, приходит опосля! Потом уже переходить из питерского училища в колпинское мне как-то не хотелось, да и нравилось мне после учебы пошляться по питерским магазинам. Так я и отучился все три года в Питере. Впрочем, я не жалею, — хоть город узнал как следует. После учебы постоянно мотался по магазинам то в один район, то в другой, выискивая дефицитные грампластинки, книги и прочее.

И еще немного об эстраде. За день до открытия очередного фестиваля в Сопоте, который проходил в Польше с 22 по 25 августа, все мировые агентства разнесли скорбную весть — внезапно умер в возрасте 42 лет, пышущий здоровьем Джо Дассен. Польское радио весь день передавало песни Дассена (как и советское, которое уделило этой смерти максимум внимания, а вот смерть своего соотечественника Владимира Высоцкого месяц назад полностью проигнорировало). «Сопот-80» показали по советскому ТВ лишь 5 и 7 сентября (повтор — 26 и 28 сентября) в связи с ухудшающимися отношениями между Польшей и СССР.

12

Ну а теперь, я обращаюсь непосредственно к своим дочке и внукам. Пришло время, рассказать вам подробнее о юности вашей мамы и бабушки Ольге Викторовне Пантюховой. В эти летние дни мы начали с ней встречаться.

Ольга была старше меня на полтора года. Жила она с семьей (мать, младшая сестра Ира, — изрядная стервочка, и два младших брата Саша и Сергей Пантюховы. Переехали они в Колпино, из города Пушкин (Царское село), в том же 1978 году, только на пару месяцев раньше. До переезда в Колпино, она закончила 8 классов в городе Пушкин, в интернате, где работала в прачечной ее мать. Если мне не изменяет память, этой осенью она как раз уже закончила Колпинское ПТУ №134, где училась на одногодичном обучении, по профессии: «швея-мотористка». По окончании училища она автоматом должна была начать работать на Колпинской швейной фабрике (КШФ). Но среднее образование было в СССР обязательным, и ей в дальнейшем пришлось поступить еще и в вечернюю школу, заканчивать 9 и 10 классы.

Но, пока не начался учебный год, мы продолжали вечерами тусоваться с дворовыми ребятами и девчонками в нашем и в соседних дворах. Теперь уже не только мы с Андреем «Сэмом» ходили с гитарами, но и Ольга, ходила везде со своей гитарой, и если начинала играть и петь, то мы с Андреем затыкались, пытаюсь лишь ей подыгрывать, так как пела она очень даже не плохо.

Где-то в конце этого лета, я узнал, что Ольга разошлась с «Фиделем» и во мне вспыхнул лучик надежды, так как она мне продолжала нравиться все это время, с самого нашего знакомства. А в последнее время мы все чаще пересекались, она просила какие-то новые песни показать на гитаре.

Как-то вечером, я сидел на скамейке, на территории детского садика в нашем дворе. Ольгины окна выходили туда же и она, увидев меня из окна, тоже вышла, как всегда с гитарой. О чем-то мы болтали, что-то играли по очереди. Немного погодя к нам присоединилась девчонка Лена, жившая в соседнем дворе. Было ей всего лет 12—13, но Ольга с ней общалась

как с младшей сестрой, и она вечно бегала за ней. Посидели мы, поболтали, а потом Ольга предложила пойти ко мне музыку послушать. Я конечно согласился. Лена тоже пошла с нами.

Пришли мы ко мне, я поставил какую-то фирменную пластинку и прилег на тахту. Ольга сначала рассматривала фотографии и плакаты, развешенные у меня по стенам, затем присела рядом со мной. Немного посидели, о чем-то говорили. Потом играючи, стали в шутку мутузить друг друга, к нам и Ленка тут же присоединилась. В общем, смех, шутки прибаутки, куча мала. Девчонки сначала меня щекотать начали, затем, вроде в шутку, начали стаскивать с меня штаны, но вскоре я почувствовал, что все происходит уже не в шутку, так как девчонки напрягали все свои силы для достижения цели.

Я, сквозь смех, — они же меня защекотали чуть ли не до смерти, — сказал Ольге, что если она не прекратит, я тоже полезу к ней под юбку, но все было бесполезно. Тогда я тоже залез рукой Ольге под юбку и...

Но в тот день мы до главного так и не дошли. Моя бабушка была дома, и хоть она ко мне в комнату и не заходила, но это нас конечно напрягало. Но мы уже поняли, что все остальное не заставит себя долго ждать, главное выбрать нужное время. И уже через несколько дней все случилось, опять же у меня дома.

Теперь уже я не торопился, а Ольга умело направляла мои действия в нужном направлении, так как я, в принципе, ничегошеньки еще не умел.

Наши отношения с этого дня, поднялись еще на одну ступеньку доверия и любви. Должен наверно сказать, что Ольга была у меня первой девчонкой, и я всему учился у нее, так как она уже имела кое-какой сексуальный опыт, после года «дружбы» с «Фиделем».

Мы с Ольгой не признавались друг другу в любви, не предлагали друг другу встречаться, — все и так было ясно. Она давно уже знала, что я не ровно к ней дышу, я ей тоже нравился и, как только появилась возможность, она взяла инициативу на себя. Мы стали встречаться, и с этих последних летних дней, уже везде ходили только вместе. У Андрея Годунова тоже начался какой-то любовный роман, и он появлялся у меня все реже. А вскоре у меня состоялся не очень приятный разговор с ее теперь уже бывшим парнем Андреем «Фиделем» Вихровым.

Как-то днем, мы с Ольгой сидели на территории нашего детского сада, когда к нам подошел «Фидель» и позвал меня в сторонку поговорить. Ему уже кто-то успел доложить, что Ольга теперь встречается со мной. Мы отошли, причем я уже настроился на драку, но все закончилось мирно: он пожелал мне всего хорошего с Ольгой, лишь намекнув, что она такая-сякая, девушка легкого поведения, и в любой момент может уйти от меня, как и от него. Видно мужская гордость все же разыгралась. В общем, наплел он про нее всякого и ушел, с чувством выполненного долга.

Последние дни августа, мы с Ольгой провели вместе и по возможности в кровати, или где-нибудь на природе, но тоже в горизонтальном положении. Я, дорвался наконец-то, до женского тела, причем какого тела! и старался вовсю наверстать упущенное время. И что и следовало ожидать, Ольга вскоре забеременела. С помощью методов народной медицины, она сделала себе выкидыш. В дальнейшем это средство еще несколько раз выручало Ольгу, но потом, видно организм адаптировался, и спустя год, Ольге все равно пришлось делать аборт в больнице.

А пока все шло замечательно. Мы целыми днями, когда Ольга не работала, пропадали с друзьями то на пляжах, то катались на лодках, то ходили в кино, на индийские фильмы и после них так хотелось таких же романтических отношений. Частенько вечерами и у меня дома сидели, точнее лежали. Иногда и в Питер выбирались погулять, в кино сходить.

Наступила осень и я начал учебу в СГПТУ №1. Нам бесплатно выдали полные комплекты «путяжной» формы: костюмы, рубашки, обувь, шинели и фуражки. И так каждый год! Нас бесплатно кормили завтраком, когда приезжали утром, и обедом, в середине дня. Теперь о таком обеспечении учащихся можно только мечтать!

У училища было два ученических корпуса, один в Татарском переулке, а другой за «Сытным рынком», на Сытинской улице, находящимся не очень далеко, через несколько дворов. За день приходилось порой по несколько раз в день бегать через дворы из одного корпуса в другой.

Ольга Пантюхова, тоже начала учиться в вечерней школе. Двухэтажное здание школы находилось напротив кинотеатра «Заря» на проспекте Ленина (теперь в здании кинотеатра находится церковь). Видится мы стали реже. Я решил взяться с нового учебного года за учебу, как следует и засел за учебники. Учиться в ПТУ, было гораздо легче, чем в школе, так как в училище от учеников в первую очередь требовалось сделать хороших рабочих, и главное для нас было учить спецтехнологию, и все что относилось к нашей будущей профессии. Все гуманитарные науки были на втором плане, домашние задания уже не задавали, так что учиться было не трудно. К слову сказать, первый год обучения в ПТУ, я закончил лишь с несколькими тройками!

Теперь, каждое утро, я вставал в половине шестого утра, быстренько одевался и бежал на автобусную остановку. На остановке была постоянно такая давка, что приходилось пропускать по несколько автобусов, так как в них было просто невозможно влезть. Маршрутных такси конечно тогда еще не было! Вскоре, я стал специально ездить на автобусное кольцо, на Заводской проспект, чтобы нормально залезть в автобус. Там тоже была давка, но была вероятность, не только залезть в автобус, но даже сесть, если успевал проскочить вперед всех.

Потом сорок минут я ехал до станции метро «Звездная», оттуда на метро, до станции «Невский проспект». Там я пересаживался на другую линию и наконец, приезжал на станцию метро «Горьковская». Но и это было еще не все! Теперь надо было сесть в трамвай, или пройти пешком несколько остановок и вот, наконец, я подходил к Татарскому переулку, где и находилось мое СГПТУ №1. И так каждое утро! Кошмар! Помнится, не высыпался я тогда постоянно. Спал и в автобусе, если удавалось сесть, и в метро. Нет бы, лечь спать пораньше, но вечерами я с Ольгой и друзьями зависал где-нибудь до часу ночи, а в пять утра уже опять подъем.

15

Где-то в октябре мои мама с бабушкой сделали мне подарок в честь начала учебы, купив наконец-то стереорадиолу «Вега-323».

Радиола, для тех кто уже сейчас не знает, – это большой, многоволновой радиоприемник с установленным сверху стерео-проигрывателем виниловых грампластинок и с двумя колонками. На нем уже ловилась и единственная русская стерео радиостанция, где можно было записать неплохую музыку, хотя в моно-режиме, – ведь магнитофон-то у меня был монофонический. Но зато теперь пластинки звучали в «стерео» и это было круто!

Начиная с этого года, купив более-менее хороший стерео-проигрыватель, я понемногу начал заниматься покупкой и перепродажей пластинок, в основном пока советских дефицитных пластинок. В Питере я теперь бывал каждый день и после училища частенько ездил по питерским музыкальным магазинам и магазинам грампластинок. Частенько попадал в моменты, когда выкидывали в продажу какой-нибудь популярный диск. В то время наша фирма грамзаписи «Мелодия» уже начала выпуск лицензионных пластинок, правда в наших бумажных, довольно примитивных обложках. По сравнению с западными, глянцевыми обложками их виниловых дисков, наши конечно здорово отставали в дизайне. Но главное было содер-

жание и уже тогда можно было купить диски групп «АББА», Пола Маккартни, Джо Дассена и т. д.

Ближе к середине 1980-х годов, «Мелодия» тоже наладила выпуск более-менее нормальных обложек для пластинок, хотя с фирменными, гляцевыми обложками их было конечно не сравнить.

В общем, стал я помаленьку бизнесом на пластинках заниматься, так как деньги нужны были всегда. Советские пластинки стоили 2 рубля 15 копеек, лицензионные – 3 рубля 50 копеек. А вот с рук такие пластинки шли уже по 10—15 рублей, а некоторые лицензионки популярных рок-групп, продавались за 20—25 рублей.

По выходным, ленинградская музыкальная «фарца» собиралась не далеко от станции метро «Автово», на улице Краснопутиловской. В те времена там находился магазин «Юный техник». В самом магазине продавали всякие бракованные колонки, динамики, телевизоры и прочие товары для творчества радиолюбителей, а вот на улице, по выходным, возле магазина собиралась толпа народа. Ходили, здоровались со знакомыми, мирно беседовали... В открытую никто ничего не предлагал и не продавал. Люди подходили друг к другу и шепотом спрашивали: «У тебя есть что?». Если товар удовлетворял, покупатель и продавец отходили в сторонку, в соседние дворы, и там, либо обменивались дисками, либо покупали-продавали что-то. Были в Питере и другие точки продажи пластинок.

За спекуляцию пластинками наши доблестные стражи порядка могли и диски дорогие отобрать, что чаще всего и происходило, а могли и реально посадить. Милиция и дружинники из комсомольских организаций периодически облавы проводили на таких стихийных «рынках».

Приходили на эти «толкучки», как их называли, настоящие любители рока, которые ради любимых групп готовы были рисковать и платить большие деньги. Приносили диски «The Beatles», «Deep Purple», «Uriah Heep», «Pink Floyd», «Sweet» и много, много других. Западные диски продавались гораздо дороже, чем наши лицензионки, – по 60 рублей и выше. Цена некоторых дисков доходила до 150 рублей, а это хорошая зарплата того времени. Оценивалось все: и фирма грамзаписи, и внешний вид конверта и качество самого диска (он должен был сворачиваться в трубочку, в отличие от наших пластинок, которые тут-же при таком вандализме ломались), и конечно же, сама музыка.

16

Какие на «толкучках» бывали интриги, какой многоступенчатый обмен и... обман кстати тоже! В одно воскресенье тебя обманут, в другое ты схватишь удачу за хвост. Мне как-то раз подсунули диск с переклеенным яблоком (бумажная наклейка в центре грампластинки). Красивая такая пластинка группы «Kiss», в фирменном пакете. Каково же было моё удивление и разочарование, когда поставив дома на «вертушку» диск, я услышал вместо заветной рок-группы, хор Александрова с русскими народными песнями.

Вот так я лопухнулся, хотя потом я этот диск всё равно сдал за фирму такому же лоху, как и я. И таких случаев было довольно много почти у каждого, кто этим занимался.

Я занимался обменом дисков не ради денег, а ради музыки. Оставлять все фирменные диски себе я просто не имел финансовой возможности, хотя кое что все-таки оставлял. К примеру, диски любимой мной певицы Сюзи Куатро у меня были почти все, было несколько дисков группы «Кисс», «Свит», «Пинк Флойд» и другие. В основном же, я покупал какой-то диск, переписывал его на свой магнитофон, потом обменивал его на другой и т. д.

Как то я купил на «толкучке» огромный черно-белый плакат Сюзи Куатро. Она была на фото в кожаном комбинезоне и Ольга, увидев впервые его у меня дома, во первых, выпросила его себе, во вторых, заинтересовалась всерьех ее творчеством и вскоре тоже стала фанат-

кой «Сюзи» и в третьих, буквально через несколько дней начала шить себе такой же комбинезон, правда за неимением кожи она купила несколько метров черного атласа. Шила она уже тогда очень хорошо и через неделю, вышла в обновке на улицу...

Дворовые ребята были в шоке, и я в том числе, влюбившись в нее еще больше. Выглядела она в нем офигенно, – все в обтяжку, фигурка класс, а если еще и гитару в руки брала, вообще отпад!

В дальнейшем, если мы выпивали у меня дома, она, поднабравшись, включала пластинку Сюзи Куатро, брала в руки бас-гитару (у меня уже была тогда куплена старенькая с рук), и так миленько выпендривалась под «фанеру», в первую очередь для себя, представляя себя рок-звездой. Но мне эти ее «выступления» безумно нравились. Умела она двигаться! И я уже представлял ее на сцене! У нее на стене, теперь помимо фоток любимой Аллы Пугачевой, начали появляться и фотки Сюзи Куатро, которые я ей доставал, где только мог. Да и диски Сюзи Куатро я ей начал привозить.

17

Ближе к ноябрьским праздникам. Нам в ПТУ объявили, что все учащиеся нашего училища будут принимать участие в демонстрации на Дворцовой площади и мы несколько дней, вместо занятий в ПТУ, приезжали с утра на Дворцовую площадь и учились ходить строем перед трибуной. Дело это было скучное и нудное, к тому же на улице было уже холодно и мы с несколькими пацанами из нашей учебной группы привозили с утра пару бутылок вина и при каждом удобном случае тянули вино через соломинку незаметно. Внутренние карманы в наших шинелях были большие, так что бутылок было не видно. И жизнь сразу казалась веселее, правда домой я ехал, уже изрядно поддавши.

И вот наступил праздник «Победы великой социалистической революции», отмечавшийся седьмого ноября всей страной и считавшимся одним из главных праздников в СССР.

Нас, рано утром собрали на прилегающих к Дворцовой площади улочках и когда началась демонстрация трудящихся Советского Союза, перед трибуной с «отцами» города пошли колоннами рабочие разных заводов, ученики различных питерских училищ и другие организации.

Наконец дошла очередь и до профтехучилищ, и когда мы уже подходили строем к трибуне, из громкоговорителей, установленных на крышах прилегающих домов, раздалось и про нас: «А сейчас мимо трибуны проходят учащиеся профтехучилища номер один, наша достойная смена в радиоотраслях нашей страны». Дословно я, конечно, не помню, но что-то подобное говорили про всех, кто парадным маршем проходил мимо трибуны. Потом мы поехали в ПТУ на праздничный обед.

Закончились ноябрьские празднования, которые мы и дома с друзьями очень хорошо отметили, и впереди меня ждал еще мой праздник, – день рождения. Мне исполнилось в этом году шестнадцать лет. И отмечали мы мое совершеннолетие очень неплохо! Уже в начале следующего года, я должен был получить паспорт и, по моим представлениям, стать совсем взрослым и не от кого больше не зависеть. Делать что хочу.

Как и с кем справляли новый год, честно говоря не помню. Была конечно Ольга Пантюхова, Сэм, а вот кто еще, бог его знает.

1981 год

Немного истории

Президентом Америки в этом году, становится бывший радиоведущий и киноактер, 70-летний Рональд Рейган. (За всю свою кинокарьеру Рейган снялся в 54 художественных фильмах. В большинстве случаев, это были малобюджетные фильмы категории «В», рассчитанные на небольшую аудиторию. Они не получали множества хороших отзывов и широкой известности). Он стал сороковым президентом Америки. Рейган люто ненавидел Советский Союз времен Брежнева, называл его «империей зла», но спустя несколько лет подал руку дружбы уже другому Генеральному секретарю ЦК КПСС Михаилу Горбачеву.

С Л. И. Брежневым, в те годы Рейган так и не встретился, только однажды поговорил с ним по телефону. Впрочем, советскому лидеру было некогда – он, то болел, то отмечал очередной юбилей, то радовал советский народ новыми книгами «своих» мемуаров. Весь советский народ был уверен, что генсек даже не приложил к ним руки. Кстати, имя подлинного автора трилогии до сих пор окутано тайной.

Впрочем, советскому народу это, конечно, было «до лампочки». Зато другое событие вызвало негодующий ропот: подорожала водка, попавшая в «набор» с хрусталем, бензином и золотом, которые тоже поднимаются в цене. Что же касается закуски, то ее становится все меньше и меньше.

Зато у граждан появляется больше поводов для смеха. Из рук в руки передаются магнитофонные пленки с выступлениями Жванецкого. Вселенская слава и лучшие скетчи Михаила Михайловича впереди – пока же он скромный литературный сотрудник издательства «Молодая гвардия».

А вот у прекрасного актера Олега Ивановича Даля все уже в прошлом: его находят бездыханным в номере киевской гостиницы. Олег Даль скончался 3 марта 1981 года, во время творческой командировки в Киеве. По распространенной версии, сердечный приступ был спровоцирован употреблением спиртного, которое было противопоказано больному, «защитному» противоалкогольной капсулой. Накануне, поужинав с коллегой, сорокалетний артист грустно промолвил: «Ну, все, пошел умирать...». Актёр злоупотреблял спиртным, хоть и пытался периодически превозмочь свою предрасположенность к алкоголю. По свидетельству вдовы Олега Ивановича, Елизаветы, у него было слабое здоровье и больное сердце. Несмотря на это, работал он всегда «на износ» и часто конфликтовал с режиссёрами, не желая сниматься в фильмах и работать в спектаклях, которые ему были не по душе. Похоронен он на Ваганьковском кладбище в Москве (участок №12).

Вспоминается и еще одно важное событие этого года, изменившее всю советскую музыкальную жизнь, – создание в Ленинграде первого рок-клуба.

Ленинградское рок-движение к 1981 году было весьма хаотичным и нестабильным. Многочисленные группы существовали сами по себе, порой не имея даже информации друг о друге. Концерты нередко заканчивались, едва начавшись, – с эффектным появлением милиционерского «уазика».

В среде музыкантов практикуются в основном квартирные сейшены, – «левые» концертики в далеких общежитиях, в квартирах, или за городом. В то же время еще свежи воспоминания о тбилисских «Весенних ритмах-80», пошатнувших позиции многочисленных ВИА и качнувших дремлющее общество вибрациями рок-н-рольного драйва. Записываются первые

студийные альбомы, все чаще приезжают на гастроли ансамбли из других городов и крепнет дискотечное движение.

Начало 80-х принято называть кульминацией застоя, но именно тогда робко, пунктирно наметились новые возможности, одной из которых был и рок-клуб – государство в государстве. Чем более совершенной становилась клубная система, тем чаще приходилось попадать в ситуацию компромисса, фактически он стал формой борьбы. К сожалению, это поняли не все. Наиболее консервативные члены ЛРК, бывшие звезды и представители андеграунда призывали к анархии, отрицая тактику и селуя на забвение старой питерской «идеи». Однако курс на разумный компромисс, учитывающий все «за» и «против», оправдал себя, т. к. любой ошибочный шаг мог оказаться последним для общего дела.

1-й Ленинградский рок-фестиваль в каком-то смысле был тоже крупным компромиссом. Официально он назывался «Первый городской смотр-конкурс любительских рок-групп Ленинграда». Даже такие независимые группы, как «АКВАРИУМ», «РОССИЯНЕ», «МИФЫ», скромненько писали заявки в оргкомитет «смотра-конкурса»... Товарищи в питерских кабинетах могли еще разрешить проведение смотра, но никак не фестиваля! Фестивали должны были утверждаться в Москве. Эта замечательная традиция, называть фестивали смотрами, тянулась вплоть до 1986 года.

Весной 1981 складывается первоначальная структура Ленинградского рок-клуба (ЛРК), остающаяся неизменной на протяжении нескольких лет. Она соответствовала статусу любительского объединения: все текущие дела клуба публично обсуждаются на общем собрании, там же утверждаются решения, принятые советом, который избирается открытым голосованием и действует в соответствии с уставом (число членов совета первоначально не превышало 7 человек). Члены совета выбирают председателя совета (президента клуба).

7 марта 1981 состоялся первый концерт, грандиозное по тем временам рок-действие с участием групп «ПИКНИК», «ЗЕРКАЛО», «МИФЫ» и «РОССИЯНЕ» в помещении Театра народного творчества (ЛМ ДСТ), где рок-клуб получает прописку и статус любительского объединения. Этот день и принято считать днем рождения ЛРК. С этого дня начинается легальная жизнь ленинградского рока, полная забот, надежд и мелочных, унижительных проблем. Профсоюзное руководство города жестко контролирует каждый шаг своего приемного дитяти. Тем не менее, движение набирает силу, обостряется борьба с многочисленными чиновниками за право существования.

Это была первая попытка властей взять под присмотр самое мощное проявление молодежной культуры тех лет. Но власти действовали не слишком оперативно – группа «Аквариум», например, выступала с концертами (в разных составах, но с неизменным лидером Борисом Гребенниковым), аж с 1973 года. А «подпольные» квартирные рок-концерты к 80-м годам стали привычным явлением. Уже проходили рок-фестивали в эстонском Тарту (с 1978г.) и в 1980-м в Тбилиси.

Проблем у музыкантов, вступавших в рок-клуб было выше крыши: при регистрации новой рок-группы, надо было соблюсти все бюрократически-идиотические формальности того времени, потом группы должны были проходить худсоветы и обязательную цензуру текстов. Но обе стороны (рок-группы и соваппарат) стремились к нелепому союзу. Первые – чтобы иметь площадку для выступлений, возможности для записей и репетиций, вторые – чтобы присмотреть за молодежью и «подпольными» движениями. Тот самый случай, когда наливают молодое вино в старые мехи: последствия давно предсказаны.

Первыми группами-участниками фестивалей ленинградского рок-клуба стали «Аквариум», «Странные игры», «Россияне», «Зоопарк». Впоследствии присоединились группы «Кино» с Виктором Цоем, «Алиса» с Константином Кинчевым, группа «ДДТ» с Юрием Шевчуком.

Особую роль в клубе играли: Андрей Тропилло, создавший фактически первую в СССР частную студию звукозаписи, и Борис Гребеничиков.

В 1979 году талантливый звукорежиссер Тропилло, при технической и организационной поддержке Владимира Васильевича Кашиńskiego, одного из руководителей и организаторов Дома пионеров и школьников Красногвардейского района, организовал в этом Доме пионеров кружок звукозаписи, в котором использовалась аппаратура, списанная фирмой грамзаписи «Мелодия». В конце 1970-х и начале 1980-х в своей неофициальной студии, названной им «Антроп», Тропилло записывал альбомы таких групп, как «Машина времени», «Аква-риум», «Зоопарк», «КИНО», «Алиса», «Ноль», и даже организовывал концерты. Иногда Андрей выступал в качестве музыканта и бэк-вокалиста на записываемых им альбомах. Как правило, всё происходило без какой-либо оплаты, то есть и Тропилло не платил музыкантам, и музыканты не платили ему за запись в его студии.

«БГ», как все называли Гребениčkова, всегда был натурой разносторонней, эпической, можно сказать. Он определял масштаб и стиль питерской рок-тусовки: постоянный поиск выразительных средств, широкий культурологический контекст, внутренняя сила и серьезный позитивизм.

Советский рок – протестный. Он всегда был очень ориентирован на слова, стихи. Именно питерский «куст» дал сильных лидеров-поэтов: Гребеничкова, Цой, Кинчев, в дальнейшем Шевчук (переехал в Ленинград в 1986 году).

В Москве – у групп «Машины времени» и «Воскресения», стихи на мой взгляд, были несколько слабее, более сглаженные. Питерцы-же никогда не боялись петь в открытую о том, что их волновало в данное время.

Довольно интересным были «Устав рок-клуба» и «Положение о рок-клубе». В абсолютно казенной манере там перечислялись по пунктам цели и задачи, права и обязанности, привилегии и штрафы, иерархии и функции. Изредка попадалось слово «рок», и оно выглядело диковато в этом контексте. Скажем, такая фраза: «Рок-клуб ставит перед собой задачи по привлечению молодежи к широкому самостоятельному творчеству, повышению культуры зрительского восприятия и идейно-художественного уровня исполняемых произведений, а также по выявлению и пропаганде лучших образцов отечественной и зарубежной музыки данного жанра».

Спустя пару лет Николай Михайлов, президент рок-клуба, объяснял мотивы его создания следующим образом: «В начале 1981 года количество «сейшенов» в городе резко сократилось – «легальных» концертов почти не было, поскольку группы не имели официальных разрешений на выступления, а «нелегальные» администрация и милиция научились достаточно эффективно пресекать».

Однако в Ленинграде было порядка пятидесяти групп и колоссальная нереализованная тяга к выступлениям и общению. К тому же после Тбилиси отношение властей к року как будто несколько смягчилось... Поэтому музыканты и организаторы концертов начали настойчиво атаковать городские организации, требуя решить эти проблемы. В конце концов Дом самостоятельного творчества пошел им навстречу. В то время там сменилось все начальство во главе с директором, и руководителями стали женщины... Они шутили: «если мы из-за вас погорим, наши мужья нас прокормят».

Ленинград заметно меньше Москвы и, несмотря на утонченность, в чем-то провинциальнее. Москва – гигантское столпотворение, ворох не связанных между собою клубков; это место, где можно жить годами, так и не зная, что происходит вокруг. Ленинград более статичен, там все «на виду». Частным проявлением этого и стало то, что в Ленинграде сформировалась единая община рок-музыкантов и примыкающей к ней богемы. Как в большой деревне, там были места, где каждый, не договариваясь, мог встретить каждого. Главное из таких мест для рокеров, хиппи, панков, художников-авангардистов и т. д. – знаменитое кафе на углу

Невского и Литейного проспектов, имевшее неформальное наименование «Сайгон». О происхождении названия существует множество одинаково правдоподобных версий. В любом случае оно восходит к 60-м годам.

Каждый представитель местной примодненной публики хотя бы раз в день отмечался в «Сайгоне». С пяти до шести вечера у малокомфортабельных стоек с кофе можно найти почти всех и узнать все городские новости и сплетни. Для Ленинграда это была, можно сказать святыня. Кафе «Сайгон» упоминается в бесчисленных рок-произведениях; у какой-то группы даже есть песня: «Мы – дети «Сайгона». Многие считали, что на этом углу какая-то особая энергетика. А большое зеркало у входа будто бы прозрачно с противоположной стороны...

Итак, «дети «Сайгона» объединились в рок-клуб, и 7 марта состоялся первый концерт. Главными группами Ленинграда тогда были «Россияне», «Пикник» и «Мифы». Два последних ансамбля почти идентичны – они играли хард-рок и блюз, а пели нечто очень напоминающее Макаревича; итампы 70-х проникли в них максимально глубоко. Организационная структура рок-клуба представляла собой трехступенчатую иерархию. Основание пирамиды – «общее собрание» членов клуба – несколько сотен музыкантов плюс художники, фотографы, коллекционеры, организаторы и т. д. На «общем собрании» раз в год избирался Совет рок-клуба – семь наиболее уважаемых и инициативных членов клуба во главе с президентом, которые управляли всей текущей работой: прослушивали новые группы, находили места для репетиций, устраивали концерты и учебные семинары, занимались прессой, рекламой и т. д. Наконец, на самом верху, «кураторы» – сотрудники Дома самодеятельного творчества: они не вмешивались во внутреннюю работу клуба, но именно от них зависело окончательное утверждение программ и разрешение на проведение концертов. Независимость рок-клуб получил только в 1989 году.

Группы, состоящие в рок-клубе, могли выступать только бесплатно. Надежды «коммерческих» групп («Аргонавты», «Дилижанс»), таким образом, не оправдались, и они вскоре откололись от рок-клуба, предпочтя провинциальные, но профессиональные филармонии.

У рок-клуба не было ни собственной аппаратуры, ни отдельного помещения: зал ЛДСТ на улице Рубинштейна, 13, приходилось делить с народным театром и прочей городской художественной самодеятельностью. Эти нищенские условия поставили рок-клуб перед необходимостью балансировать между чистым энтузиазмом и традиционными для «сейшенов» хитрыми махинациями.

Либерализм «кураторов» не распространялся на «экстремистские» группы. За бортом рок-клуба осталась компания Свина (панк-группа «АУ») и группа, активно пропагандирующая религиозную тематику «Трубный зов» (нечто вроде западной группы «Юрай Хип»), певшая банально-прямолинейные песни на евангельские сюжеты и пользовавшаяся особой благосклонностью «вражеских» радиостанций: «Би-би-си» и «Голоса Америки».

Свой отказ сотрудничать с этими группами рок-клуб мотивировал в основном тем, что они не могли бы давать концерты. «АУ» просто потому, что это панки, «Трубный зов» – потому что религиозная пропаганда в «светских» учреждениях у нас запрещена (у себя в баптистской церкви они могли выступать и выступали).

Позднее, примерно в 1983 году, двое из «Трубного зова» были арестованы, как было официально заявлено, при попытке перейти советско-финскую границу и осуждены. Так закончилась на тот период история единственной нашей номинально «диссидентской» рок-группы. В любом случае результат мог бы быть не столь печальным, если бы рок-клуб и городские власти проявили большие гибкости, а «Трубный зов» больше заботился бы о своей здешней аудитории, а не о скандальном паблисити на Западе. В конце 1987 года руководитель «Зова» А. Баринов был освобожден и уехал на ПМЖ в Англию вместе с семьей.

На данный период делаются попытки воскресить группу.

Ну что еще вспоминается из этого периода?

В этом году выходит книга стихов Владимира Высоцкого «Нерв». Высоцкий мечтал когда-нибудь увидеть книгу своих стихов, где его имя будет набрано кириллицей, но к сожалению не дожил до этого момента. Аннотация сухо сообщала: «В сборник вошли произведения широко известные, а также публикуемые впервые». В книге были напечатаны 130 стихотворений, но все равно большая часть наследия Высоцкого оставалась в стране под негласным запретом.

С выпуском «Нерва» была связана легенда, которую потом упомянул Булат Окуджава в песне «Как наш двор ни обижали», посвященной бардам его времени:

«Как с гитарой ни боролись – распалялся струнный звон.

Как вином стихов не портили – все крепче становилось.

А кто сначала вышел вон, А кто потом украл вагон.

А все теперь перемешалось, все объединилось».

Украденный вагон, о котором поется в песне, – это вагон с «Нервом». Говорят, что книги не дошли до читателя именно по этой причине – кто-то украл вагон дефицитных книг. А всего их было 55 000 экземпляров. О книге слышали все, многие читали рецензии на нее в «Юности» и «Литературном обозрении», но в глаза никто не видел и в руках не держал почти никто.

Несколько экземпляров, говорили, было в Библиотеке им. Ленина, и были люди, которые переписывали ее там от руки, а потом перепечатывали на пишущих машинках. Но факт остается фактом – «Нерва» не было даже на черном рынке. Была еще одна, правдоподобная по тем временам, версия, что книга разошлась по обкомам КПСС.

Случилась в этом году и авиакатастрофа, в которой погибло все руководство Тихоокеанского флота.

В феврале 1981 года в Ленинградской Военно-морской академии проходили командно-штабные учения без привлечения реальных сил. На него съехался весь руководящий состав советского военно-морского флота. 30 января из Владивостока в Ленинград на Ту-104 прилетело руководство Тихоокеанского флота. Через неделю, командуя флотом Эдуард Спиридонов с женой, 17 адмиралов и генералов, два десятка капитанов 1 ранга – всего набралось 52 человека – на этом же самолете улетаю домой. С собой моряки везли из Ленинграда дефицитные товары, которые вызвали существенный перегруз в самолете. Плюс – неправильное расположение багажа, оказавшегося ближе к хвосту и значительно ухудшившего аэродинамику самолета. Кроме того, экипаж начал взлет на несколько сот метров раньше, чем обычно. В итоге, на восьмой секунде полета самолет вышел из равновесия. Положение усугубил сильный встречно-боковой ветер. Самолет накренился на правое крыло. Так и не выйдя за пределы взлетной полосы, самолет перевернулся, упал и мгновенно взорвался. Погибли все. В одну минуту Тихоокеанский флот остался практически без командования. Кстати, по телевидению и в прессе о катастрофе ничего не сообщили. Единственная газета, которая поместила маленькую заметку о случившемся, – «Красная звезда». На предпоследней странице написали, что в авиакатастрофе разбились командуя Тихоокеанским флотом Э. Н. Спиридонов, и другие. Поскольку одной из ведущих версий произошедшей трагедии, был умышленный террористический акт, – флот был приведен в состояние полной боевой готовности. Информация об авиакатастрофе была практически полностью засекречена. В свидетельствах о смерти у погибших было написано «умер», а не «погиб при исполнении служебных обязанностей».

Официальная версия катастрофы, – нарушение центровки. Но спустя 20 лет эксперты пришли к выводу, что причиной трагедии послужил несимметричный выпуск закрылков и появившийся крен.

Гибель командования Тихоокеанского флота – одна из самых трагических авиакатастроф тех лет в Советском Союзе.

Немного расскажу и о компьютерах. Компьютеры в СССР в те годы уже были! Но не персональные. Выглядели они приблизительно, как газетный ларек, весили соответственно и работали на них лишь в стенах научно-исследовательских институтов.

Но время шло и вскоре у компьютеров появились более-менее компактные дисплеи, потом и с четырехцветной графикой. Глаза от этих цветов через 15 минут сбивались в кучку, но все равно это было круто.

Для людей, разбирающихся в радиотехнике, печатали схемы в журналах «Юный техник» и «Радио», для самостоятельной сборки компьютера и поверьте, на тот период таких умельцев в стране было предостаточно! Вместо мониторов закупались самые дешевые переносные телевизоры, в роли корпуса выступала коробка из-под обуви, а клавиатурой служили кнопки с наклеенными сверху пуговицами, на которых от руки писались буквы и цифры. Все программы писались на магнитофонные кассеты. И что самое интересное, – вся эта игрушечная композиция неплохо работала!

В этом году в Зеленоградском НИИТТ НПО «Научный Центр» разработал первый в СССР персональный компьютер. Машина эта проектировалась как персональная, то есть для пользования населением. Уже с 1982 года десятки, а потом сотни тысяч компьютеров выпускались на заводе «Квант», Министерства электронной промышленности СССР.

И вновь немного о музыке. В конце этого года, газета «МК» опубликовала список лучших песен года.

Лидерами оказались два номинанта: «Машина времени» (6 песен) и Алла Пугачёва (4 песни). Привожу список целиком, для тех, кто хочет вспомнить, что мы слушали в том далеком 1981 году:

1. «Поворот» – «Машина времени».
2. «Там, в сентябре» – Валерий Леонтьев.
3. «Не забывай» – Юрий Антонов.
4. «Московский романс» – Алла Пугачёва.
5. «Я вспоминаю» – Юрий Антонов.
6. «Летний вечер» – Группа Стаса Намина.
7. «Кого ты хотел удивить?» – «Машина времени».
8. «День рождения» – «Машина времени».
9. «Когда я уйду» – Алла Пугачёва.
10. «Мода» – «Аракс».
11. «Синяя птица» – «Машина времени».
12. «Будет день» – «Машина времени».
13. «Пока горит свеча» – «Машина времени».
14. «Ливень» – «Автограф».
15. «Гадалка» – Жанна Рождественская и ансамбль «Фестиваль».
16. «Ирландия. Ольстер» – «Автограф».
17. «Уходя, уходи» – Алла Пугачёва.
18. «Все, как прежде» – «Аракс».
19. «Поднимись над суетой» – Алла Пугачёва.
20. «Танец на барабане» – Николай Гнатюк.

Среди лучших дисков года были названы:

1. Рок-опера «Звезда и смерть Хоакина Мурьетты» («Аракс»).
2. «Диско Альянс» («Зодиак»).
3. «Люксембургский сад» (Джо Дассен). 4. «Музыкальный глобус» («Весёлые ребята»).
5. «Большой успех» (Демис Руссос).
6. «Альбом» («АББА»).
7. «Гимн Солнцу» (Группа Стаса Намина).
8. «Прибытие» («АББА»).
9. «Сестра Керри».

И снова обо мне

1

Итак, месяц назад, в декабре прошлого года мне исполнилось уже 16 лет. Праздновали мы этот новый год в нашей квартире. Была конечно Ольга Пантюхова, еще кто-то из наших общих друзей. Ну и конечно мои мама и бабушка.

В новогоднюю ночь, по давно заведённой традиции, вся страна с интересом смотрела «Голубой огонёк» и мы в том числе. Все ждали новой встречи со своими кумирами, новых шлягеров в их исполнении. По большому счёту, «Огонёк» 1981-го не обманул зрительских ожиданий: свежих песен действительно было спето немало. Однако поистине всенародную любовь в дальнейшем суждено будет снискать только двум из них: «Маэстро» Раймонда Паулса и Игоря Резника в исполнении Аллы Пугачёвой и «Скачки» от «Машины времени».

По одной из легенд, Резник писал слова «Маэстро», имея в виду другого маэстро – бывшего возлюбленного Пугачёвой – Константина Орбеляна. Но народ расшифровал песню по-своему: в его интерпретации под «Маэстро» скрывался не кто иной, как Раймонд Паулс. Во-первых, он был автором музыки, во-вторых, именно он так виртуозно подыгрывал на рояле Пугачёвой в том знаменитом «Голубом огоньке». В итоге под эту гениальную музыку родилась красивая легенда о любовном романе певицы и композитора. Пугачёва кстати, в такой легенде нуждалась больше всего. Несмотря на то что слухов и сплетён вокруг её имени все эти годы роилось предостаточно, настоящей «лав стори» ей как раз и не хватало. Да, страна знала всех мужей звезды номер один, но ни один из них не играл в её звёздном имидже большой роли. Один оказался рядовым циркачом и ушёл от неё ещё до её звёздной славы, другой хоть и был кинорежиссёром с плейбойской внешностью, но широким кругам был мало знаком (хотя именно он стоял у истоков так называемого «Театра Аллы Пугачёвой», но этот секретный план был известен только избранным). Совсем другое дело – Раймонд Паулс. Загадочный прибалт в смокинге, автор блестящих мелодий, да ещё за роялем. Короче, Пугачёву и Паулса «поженили».

После просмотра «Огонька» мои предки пошли спать, а мы, как всегда продолжили пить вино, потом пошли прогуляться по городу и вернулись часам к четырем, как раз к началу передачи: «Ритмы зарубежной эстрады» – одной из наших любимых музыкальных телепередач того времени. Ближе к утру все друзья разъехались по домам, а мы с Ольгой легли спать...

2

После зимних каникул, которые я проводил с Ольгой в основном у себя, или у нее дома (когда никого не было), я вновь начал учебу в ПТУ. С Нового года у нас поменяли мастера и вместо любившего выпить, бородатого работяги, поставили довольно молодого, симпатичного преподавателя, Александра Субботина, который, как потом выяснилось, помимо основной работы, был еще и руководителем вокально-инструментального ансамбля – был вокалистом и гитаристом.

У нас в группе учились Саня Архаров из Петергофа, – он уже стучал где-то на барабанах и Саня Румянцев, также умеющий играть на гитаре. И возникла у нас троих идея: создать в нашей «путяге» свой ансамбль.

В ПТУ нашлись и инструменты, и усилители с колонками, так что мы рьяно взялись за дело. Мы, уже и сами довольно много умели, правда, меня поставили на бас-гитару, а с басом я в те годы, мягко говоря «не дружил». Пришлось осваивать инструмент почти с нуля, что

в прочем сразу и пригодилось, так как приезжая домой я тут же делился полученными знаниями с Ольгой, которая в это время тоже осваивала бас-гитару.

Дома мы продолжали играть втроем: я, Андрей Годунов и Ольга. Кстати тогда, на репетициях в ПТУ, я впервые услышал записи московской группы «Машина времени», которые принес наш новый мастер, и они мне очень понравились. Мы с музыкантами из училища, начали тут же что-то подбирать из их репертуара. Приезжая домой, я делился всем, чему научился в музыкальном плане уже со своими друзьями.

Порой все вечера мы просиживали с Андреем у меня дома «снимая» какие-то, понравившиеся нам песни. Мы крутили на пластинке, или магнитофоне песню, порой по несколько десятков раз, чтобы в итоге, один в один подобрать все аккорды на гитаре, басовые и соло-партии. Потом заучивали это все наизусть и уже сами играли в две гитары, а Андрей пел. Порой записывали наши творения на магнитофон. Немного подкопив со своей стипендии в 30 рублей, я, после училища ехал в магазин «Дом музыки», находящийся не далеко от станции метро «Академическая» и что-то покупал себе для занятий музыкой: приставки для гитары, иногда микрофон, струны и медиаторы для гитары и т. д. Так, постепенно дома накапливалось все больше всяких музыкальных полезностей. Один раз даже банджо купил шестиструнное за 80 руб, – уж очень мне захотелось на банджо научиться играть. Побаловались с ним пару месяцев и успешно забросили в дальний угол. Не стыковался звук банджо с нашей музыкой.

Когда приходила Ольга, мы ей показывали партии ритм, или бас-гитары и играли уже втроём. Так, постепенно и учились играть сами по себе, так как в нотных магазинах в те годы продавались только ноты классической музыки или сборники песен про комсомол, стройки и победу социализма во всем мире. Нормальных самоучителей для рок-гитар у нас в стране тогда не продавалось, хотя уже к концу 80-х появились в продаже маленькие книжечки-самоучители для соло, ритм и бас-гитары с прилагающейся в комплекте аудиокассетой: уроки можно было учить играть по нотам и тут же прослушать, как они звучат на электрогитаре в исполнении профессионала, но это все придёт несколько позже, а пока мы брякали втроем то, что удавалось подобрать с магнитофона, или пластинок. Ольга подбирала песни Аллы Пугачевой и Юрия Антонова, мы с Андреем в основном снимали какие-то зарубежные хард-роковые вещи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.